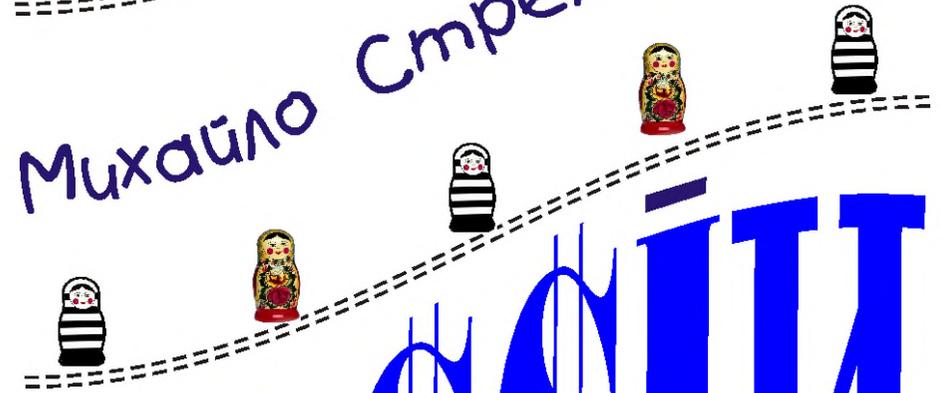

МІСЯЧНИКЪ

Михайло Стрельбицкий

РОССІИ

Михайло Стрельбицкий

Месячник России

КНИЖИЦА БУМАЖНАЯ
БОЛЬНО МАЛОТИРАЖНАЯ,
ЗЕЛО ОТВАЖНАЯ;
ПИСАНА ХОТЬ ЗАЗРЯ,
ДА ВО ПРИБЛИЖЕНИЕ МЕСЯЦА МАКАБРЯ;
МАЛОСТЬ ЭПАТАЖНАЯ
В НЕЙ ПРАВДА СЕРМЯЖНАЯ,
НИКОМУ ДА НЕ ПРОДАЖНАЯ;
В ЗЕРЦАЛЕ ЕЯ ДА ОТРАЗИТСЯ РОЖИЦА КАЖДАЯ;
НЕ ТЯЖЕЛА В НОШЕ, ЛЕГКА НА ПОМИНЕ,
КО ЧТЕНИЮ ДА НА ВСЯКИЙ В МЕСЯЦЕ ДЕНЬ
В КАЖДОЙ УКРАИНЕ

Вінниця «О. Власюк»
2003

ББК 84.4 УКР 6
С 84

Михайло Стрельбицький

С 84 **Місячник Росії**. Вірші. (Рос. мовою) — Вінниця:
«О. Власюк», 2003. — 120 с.

ISBN 966-8413-16-4

Пародійне, шаржоване зображення неоімперських потуг, з одного боку, та невитравної колоніальної вірнопідданості, з боку іншого, — лейтмотив цієї збірки. Дослівно: «Празднуй триста пятьдесят лет Большого Обладанья! Месячник, шальная мать, подсластит воспоминанья. А-а-х-х! Стимулирует лобзанья!». Висміюється етноцидне «культуртрегерство».

Композиційно «Місячник...» вкладається у 32 дні 13-го місяця — «макабря»: 4 тематичних тижні плюс 4 ліричних дні.

У збірці знайшлося місце і поетам, сповненим непідробного співчуття до конкретних російських людей та краєвидів.

ББК 84.4 УКР 6

ISBN 966-8413-16-4

© М. Стрельбицький, 2003

1. ТРИНАДЦАТЫЙ МЕСЯЦ: МАКАБРЬ!

Тринадцатый месяц: макабрь!
Достать бы чернил и плакать:
пока бы случилась, пока б...
тринадцатая зарплата.

А то ли было?.. не то!
в тринадцатом памятном годе...
Да уж не вспомнит никто
ни в том, ни в этом народе.

Народ, он, впрочем, — ботва:
щиеды да борщежоры.
А корень — знамо — братва:
хоть Ваньки-да-Маньки, хоть Жоры...

С полатей в палаты — опять,
опять из палат — на плаху.
Инстинктом инстинктов объят,
любой богоносец даст маху.

Путь — туп.
И Рас-путин — туп,
и с ним череда распутиц.
И чей развязался пуп,
тот больше не самый пуриц.

И кто, глотая всю
соседей, «братьев», сограждан
(юродствуя даже: «Косю!»)
себя проглотит однажды.....

2. АХ, ЗАЧЕМ ЖЕ, ПОЧЕМУ Ж?..

Ах ты, Марья-где-же-Ванька,
подбоченься в ивняке:
зарастает — видишь, глянь-ка, —
путь к деревне и... к реке.
За рекой, в кустах, — ходули
про несбыточных гостей
тех, что вновь не завернули,
отдохнули («Мать, а — хули?!..»)
вновь за тридевять морей;
что один — в Днепропетровске,
что другая — в Харькове,
третий — ближе — в Санкт-Лужковске, —
гонят жисть по трын-траве...
Тот — ворочает делами,
та — с охранниками спит,
третий, малый шустрый самый,
стать майором норовит...
Прадед взял почти Варшаву;
дед под Золочевым пал;
мстил отец за предков браво;
муж... к эстонке ускакал...
Зверь тряхнет орехи споро,
грустно груздь уйдет под нож,
загудят всюю просторы,
опустевшие наскрозь.
Почему ж твою молитву,
завозвратную твою,
не услышать норовит вновь
Русский Бог в родном краю?
Потому ли, что и край сей
от — хохла ли? — Ермака

ни про что, поди, досталси,
неодушевлен пока?[?]
И язык твой, шустрый, дельный,
хоть подпорченный, а все ж...
ну за что зовут... расстрельным
где-то за речушкой Сож?[?]!

3. ВИННИЦКОМУ «РУССКОМУ ПОЛЮ»

«И конь на свою сторону рвется,
а собака отгрызется да уйдет».

«Жил-был молодец; в своей деревне
не видел веселья,
на чужбину вышел — заплакал».

«Скучно Афонюшке на чужой сторонушке».

В. И. Даль.

Пословицы русского народа.

Россию можно петь в России,
Россию нужно петь в России:
там все чрезмерности ее —
со всеми горькими, косыми,
со всеми тучными, босыми,
алмазными да золотыми, —
гадят шальное Бытие,
молчат благое Бытие!

А здесь... В «соловухе» — и то
сокрыто «сало», несомненно.
Пронзенны грядки луком, хреном;
увы, пронзенны: ни про что!
А коль газету подписал
(«К печати!» — знамо), переспросят:
«А не подПисал ли?» Мол: д о с и т ь!
Мол, ударение поставь...

Ибо: Валуевское Поле
возделано тут на костях,
и Речь — страданица, не боле, —
пыхтя, вдыхает Мовы прах.
Хоть как замалчивай сие,
хоть как брешу про «общероссов»,
иль «правороссов», — криво-косо
все глаголение твое.

Зачем же кривде потакать?
Зачем лелеять худосочье?
К чему преснятину таскать,
подделывая узорочье?
Там — почва, дымка и пыльца.
Там — свет и тьмы, дожди босые.
Там — свет магический крыльца...
Россию нужно петь в России.

Иль в безысходной ностальгии...

I. НЕДЕЛЯ ЭКСКЛЮЗИВНОЙ НОСТАЛЬГИИ

* * *

Переходят рощи корабельные
плавно в колыбельные луга.
Тихо зреют мысли запредельные,
раздвигая мысли берега.

Но бок о бок прется недомыслие,
гордо возвышается наив,
рвет подметки — в лет — своекорыстие:
не моральный, но императив.

Ангелы воротят небо в трубочку,
леший примеряет золото риз.
Заказав хвалебную погудочку,
мелкий бес на «бис!» орет каприз.

Неужели всюду отчуждение?
Неужель чужбинушка родней?
Паводок приносит наваждение
прежних вешних, околевающих дней.

И мелькнуло, осозналось, кажется:
потому и тонут корабли,
что не здесь на память узел вяжется,
что отсюда лучшие ушли.

И — уходят. Восвояси. С «миссией».
Мысль уносят, ноги унося.
Будто бы выходят за провизией,
будто бы иссякло все и вся.

Кто ж узрит, кто воспоет, предельные
раздвигая мысли берега:
переходят рощи корабельные
плавно в колыбельные луга?

ПИЛОТНЫЙ ПОЭТ

Ивану Завражину — в Липецк 1984 года

На взлетную выходит самолет,
чтобы лететь в почти-что-Украину.
Взгрустнул пилот. Но — почему, пилот?
Иль по чему: по сисям? по камину?
Пошел в разгон. В стихию-три вошел,
шасси убрал. Стихия не перечит.
Взгрустнул поэт. Но — почему, поэт?
Иль — по чему? Или — чему навстречу?
Поэт, пилоту небо предложи:
свое-свое, заветное: в росинку.
Пилот, поэту рифму подсажи:
свою-свою — грустинку ли, смешинку...
Внизу — леса, в салоне — чудеса,
о рифме сердце, трепыхаясь, плачет.
На крылья будто выпала роса,
стихия-три о сговоре судачит.
По небу поэтических высот,
опережая пристальное время,
летит, влетая в рифму, самолет,
летит поэт, рифмуется со всеми.

ПЕСНЬ УХОДЯЩЕМУ

Ты на войне боялся только плена,
а пуля — дура, и осколок — глуп.
А коль подкосит женская измена,
то воскресит товарищ политрук.
Ты знал, что нет превыше слова «Надо!»
Ты понимал, что прав заградотряд,
а трибунал со «Смершем» очень ладят,
а военцензор — всем им друг и брат.
Ты победил. Но ожил ты не сразу.
А может, и не ожил до конца:
служа опять приказу и проказам —
уже свиней, не нюхавших свинца.
Умчались годы, на исходе силы,
и оказалось, — кузькины дела, —
ни в жисть нельзя насильно осчастливить
ни бабу, ни Европу, ни хохла...
Что ж, пожелай им всем большого счастья,
но свой урок последний не таи:
ни в жисть не надо ничего бояться —
за исключением лишнего участия,
ну и того... придуманной любви...

ПУТЬ О СТЕЗЕ

Путь извечен, кровью мечен,
всё равно — ни зги.

Недалече, человеке,
адовы круги.

Путь изгажен, переряжен,
всё равно он — есть;
где-то — уже, где-то — глубже,
где-то луж не счесть.

Путь изглодан, перепродан,
всё равно — ведет.

По нему сама природа
иногда бредет.

Путь изведан, пере...предан,
всё равно нельзя
оступиться, покатиться,
весело скользят.

Ибо есть Стезя.

Там, где путь в себя уходит,
время проиграв,
там Стезя одна восходит
от пути стремглав.

Шанс последний,
для немногих,
то бишь — одного:
кто он? был рожден ли? Боги
знают ли его?

БАБЬЯ ВИКТОРИЯ ВСЕХ ВРЕМЕН

(Баллада)

Светлане Мекшен

По Москвам да по весям — дела! —
припеваючи да куролеся,
ходит русская баба в чем мать родила,
то бишь, в бабьем своем интересе.
Помраченья прозреньем горьки,
наслажденья чреваты изъяном.
Мужики, бойко прячась в портки,
хорохорятся подле стаканов.
Но однажды, — единожды, да! —
с полупьяну ли, с опохмелу,
громко скажет один: «Ты — звезда!»
И таксисту прикажет: «Гондолу!»
И сквозь лужи проступит канал,
и гондола потащится к замку,
и да сбудется все, что сказал
озаренный сей, сбросивший «лямку».
Лямка будней, и градусов, и
наваждений от сомнений
громко лопнет, когда «позови!» —
воплотят узорочные стены.
И развернется бездна времен,
вечность ляжет на плечи в придачу,
и восполнится радости стон
бабьим страшным от счастья плачем.

ШАЛЬНАЯ БЕСШАБАШНОСТЬ

Построив что-то впопыхах,
взгрустнув о чем-то поневоле,
загадив чье-то чисто поле,
кому-то водрузив свой прах, —
остаться в голосе кукушки,
чей перелет ли, недолет,
весною скудной на опушке
шалых поэзией слывет.

СЛЫШЬ, А ТЫ — НЕ ЛЖЕРОССИЯ?

Свистнул леший, хлещут ветлы,
кляча рвется вскачь,
Петр не первый и не третий, —
зарится Пугач.
Над крестами всходят митры —
святости не счесть.
Первый... третий Лжедимитрий...
Пятый... где ты есть?
Тот блажит и тот гуляет,
головы летят.
Тараканова сияет
солнышку под стать.
... Лжевладимир, Лжебориска,
Дальский тоже тут,
продолжатель бравый списка:
с каждым годом меньше риска
и верней маршрут.
Снова — Лжеанастасия,
годы не года...
Слышь, а ты — не Лжероссия,
лебедь-лебеда?

О ПРОСТРАНСТВАХ-ЧУЖЕСТРАНСТВАХ, ВОЗВРАЩАЮЩИХ К СЕБЕ

Преодоление собственного пространства
России судьба.

Евг. Евтушенко. Пресека.

В черных срубях
черное житье —
вот и весь разгад
любви к пространству?
К странствиям (с мечом)
да к чужестранству, —
в черных срубях
черное житье?
Княжье соби́рание земель,
к радости просмоленных холопов,
буйный хмель,
горячки белой хмель,
тот же смысл имеет остолопий? —
отдалить избенки, расцветить
дымкою, туманцем, серебрянкой,
научить клоповники любить
издали, в разлуке под «Калинку»...
«Братьев младших» где-то теребя,
тратясь на сверхдальние винтовки,
убегать от самое себя
под прикрытьем философий тонких?
Ах, Россия! Вновь тебе болит
под чужою хатю местечко?
Срубы попыталась бы... белить...
Чай, оздоровилось бы сердечко.

* * *

В храм Блаженного Василия
лучше, гости, не входить:
дух пещеры, дух насилия
обитать там норовит.
Любоваться ж храмом издали,
словно бдительным Кремлем, —
лепота! Пока не сп...дели,
приходите день за днем:
отвращаясь от иных каких
туристических утех,
экспозиций, шитых лыками
исторических прорех,
столь же ярких, как на грех...
Уходите, охо-ахая.
Кто уверовал — держись!
Место лобное да с плахою
обойди, не напорись...

ПРИСКОРБНОЕ БЕЗАНГЕЛЬЕ

Когда целуются стихии
и замирает океан, —
стихии черт знает какие:
к примеру, Марья да Иван
и третий лишний — сам-диван, —
тогда не рано и не поздно
явиться ангелу хотя б.
Увы, взирают хляби грозно:
мол, так себе — «Стихиен-клуб».
Мол, не единым поцелуем
стихии живы на земле.
Мол, поглядим, помаракуем,
а то и... справимся в Кремле:
к чему стихий сих трепетанье
в пределах сих да от чего
сие на Бога невзиранье
да ни с того да ни с сего?³
Без ангела же ... отшень трудно
не-вы-носи-мо чижело:
бунтует плоть, увы, подспудно,
душа брюзжит: «Куды ни шло...»
Стихии ... дремлют беспробудно,
целуются... сквозь НЛО.
Стихиам — что? А вот дивану
не быть бы нынче драну спьяну.

ПЕСНЬ-БАЛЛАДА О ПРЕЗИДЕНТСКОМ ЦЕЛОВАНИИ

Взасос целуясь, президенты,
на миг забыли про народы;
держась агенты за презенты,
вокруг на цыпочках восходят.
Так развевайтесь же, знамена,
строчите, камеры, строчите!
Минутка выдалась, ядрена...
или едрена?.. — подскажите!
На миг забытые народы
грешить — в сердцах своих — пустились;
забыв надежды и невзгоды,
к телеэкранам притулились.
Так вдохновляйте же, знамена,
строчите, камеры, строчите!
Народы в предвкушеньи стона
сопут в экраны нарочито!
Быть президентскому экстазу:
глаза навывкате сверкают.
Оркестры грохнули «Проказу»:
хоть в нарушенье, а спасают!
Не опускайтесь же, знамена,
строчите, камеры, строчите!
Под колоколен перезвоны,
сердчишки доноров, стучите!

КВАДРАТНЫЙ БРИКЕТ-ЧЕЛОВЕЧЕК

Коль все, что интересуется,
вмещается в желтый цвет,
бульварная пресса — прессует,
донельзя спрессовывает.
И вот приходит на вече,
взыскав суда и судеб,
квадратный брикет-человечек,
скандировать ищущий, где б.
Из кубиков можно домик
сложить — громоздя, топорща...
А — из квадратиков? Кроме
бо-оль-шого Квадратища?
И вот пошла квадратура,
чеканя и вширь, и вглубь:
порезче времен Перекура,
покруче, чем те, кто — «за рупь»;
в двухмерном своем пространстве,
себя изводя и мир,
в квадратном своем постоянстве
квадратный чеканя кумир.

РОССИЯ, КТО ТЫ?

Ты — брат, или сестра? —
определись, Россия!
Косишь, как и вчера,
кому-то тычешь Эмия.
Ты — Рим, или — Оплот?
Прогресса, или веры?
Твои ушли вперед
и... блудят пионеры.
Ты — родина славян?
Иль — пасынок монгола?
Пьянеешь — «вдребодан»,
изменница престола.
Ты — кхмерам светлый путь?
Иль — богачу лучина?
Тебя ль когда-нибудь
обучит дурачина?
Компьютерная сеть
тебя изменит, что ли:
тебе чтоб не болеть
поветриями боле?

ПЕСЕНКА НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

(Совершенно секретно; для служебного пользования)

Была б империя,
работнички найдутся.
Была бы рать,
а ротмистра — сыскать!
Работнички не сразу
изведутся.
Солдатикам
не сразу погибать.
Похлебка будет выдана ко сроку,
инструменты да винтари
звенят.
По мере сил сопутствуя пороку,
попы вещают и цари царят.
Была б священная,
святители придут.
Была б идейная,
идею завезут.
Шпирутенами
лечатся простуды,
шпирутенами —
самоменья зуд!
Похлебка будет съедена ко сроку,
инструменты да винтари
звенят.
Каб не прервать династию порока,
бойцы царицу оплодотворят.
Была бы вечная —
временщики родятся.
И самозванцы

тож не подведут.
Бразды в веках
браздами возродятся.
Поэты воспоют
народов труд.
Похлебка будет... выbleвана в меру,
инстрУменты да винтари звенят.
И вот уже по нашему примеру...
но... где же — мы?!?!?!
Инстинкты в нас царят.

ЗАВЕЩАННОЕ: «УХОДЯ — ОСТАВАЙСЯ!»

«Уходя — уходи!» —
распрекрасно звучит на русском:
в смысле самом широком,
а коли надо, так и
в самом узком.
Примечанье к значенью
(будь ты Георгий Яковлевич,
или же самый-самый «сов. Вася»):
уходя — оставайся!
уходя — оставайся!
И ушед — оставайся!

СТРАСТОЛЮБИЕ

Несбывшиеся надежды...
Несбыточные мечты...
Взлелеянные невежды
с мечтами чужими «на ты».
Несбывшимся много труднее.
Несбыточным много больней.
Шед по миру, внук берендеев
взошел на Голгофу страстей.
Голгофа? Да так...голгофенка.
А страсти? Страстишки с винцом.
Глазеет родная сторонка,
балдеет — и дело с концом.

ЛИБЕРАЛЬ-ВЕРЛИБР

Ах, и эта революционная ситуация
созрела, словно нарыв.
Природа ее все та же
(в который раз прав Ульянов-Ленин):
верхи уже не могут,
низы уже не хотят
продолжать по-старому.
Особая сложность состоит в том,
что верхи с низами
меняются местами поочередно
и неуловимо часто;
ибо речь, черт возьми,
о революции сексуальной.
И вот уже она грянула, будто крещенский гром

или пасхальные морозы.

Стас Говоруха однако же
рискнул обозвать ее Великой Криминальной;

в чем-то он, может быть, прав;

а если так, то пусть он же и переуточнит
полное название, выбирая между:

1) «Вторая Великая Криминальная»

и

2) «Великая Криминальная-навыворот»;

ибо криминал, он криминалом и остается,
как материя, он только изменяет форму
существования

(отсюда: не была ли также криминальной
и рево-люция Ивашки Грозного супротиву бояр?³
в таком случае Стасу Говорухе
со счету бы не сбиться).

Вернемся однако к сексуальной сущности
взаимоотношений верхов и низов.

Когда в начале века

Камо да Коба

из позиции «внизу» вдруг оба синхронно

очутились в позиции «наверху»,

товарищ Ульянов-Ленин,

не вырываясь из объятий товарища Зиновьева,

попытался очень даже ревниво к этому отнестись

и даже заразить этой своей ревностью

Феликса Железного.

Так как предвосхищал,

что догматическое использование

позиции «наверху» последышами этих двоих

будут посредством спецсовета и

спецсанаториев

доведены до полного предела
с параллельным внушением народу
бодряческого лозунга «А у нас секса — нет!».
И вот революционная ситуация созрела,
и вышеописанный гром грянул,
и морозы одновременно вшибачили,
вследствие чего наверху громче всех
оказался отпрыск некоего юриста Вольдемарчик
Жирный
(партийная кличка — Жирик),
первым озвучивший лозунг момента:
«Я имею народ — народ имеет меня в виду».
И хотя Жирик и иже с ним
успели доказать, что, в свете новых
демократических либераль-завоеваний,
каждый, в какой бы он позиции не находился,
волен вообразить себя находящимся в любой
иной,
даже самой что ни на есть противоположной,
верный ленинец Кеша Зюга-не-с-Юга
с ним
не согласен
в корне.
Вчера он объявил
начало разработки
нового варианта
Концепции Нового Мышления,
зигдущейся на обращении к старым,
хорошо забытым эрогенным зонам
народа — Богатыря,
народа — Языкотворца,
народа — Емель-якши-хитреца,

народа — Иванушки-дурачка,
Василисы Прекрасной,
Прирожденного Богоносца,
како же и Заслуженного Богоборца,
в одном лице.
Ох, уж эти теории!
Ох да поперек этой практики!

ЛЕТУЧИЙ АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

Виясь на семи ветрах,
по четырем океанам,
блуждает Андреевский флаг —
летучий, от кровушки пьяный.
Виною не сговор стихий
под властью шальных ветродуев,
а то, что апостол Андрий
ко флагу примешан был всеу.
Флаг трижды был предан: когда
впервые его водружали;
стреляли под ним по — судам;
звездастым его заменяли.
Потом и в четвертый раз —
его возрождая вроде —
гордыне опять предалась
власть истовых не-благородий.
Летучий — летучее нет,
от кровушки пьяный-распьянный,
чуть свет, осеняет бел-свет —
распроданный, раз... разрыданный.

**...И ЛИК К УМУ ШЕДШЕГО ЧААДАЕВА,
ИЛИ
РОССИЕЙ ОСТАНЬСЯ!**

От книжников остались книжки,
от фарисеев же — фарисеи.
От прогресса останутся ли подвижки?
Россия останется ль от Рассеи?
Не будем спорить об именах,
историей данных ли,
прихваченных ли у истории.
Остался бы грустный загорский монах,
остался бы трезвый цветок цикория.
И проступил бы — воочию ли,
иль хоть в мечтах, где огнится свеча едва,
не сумасбродства державного лик, —
лик к уму шедшего Чаадаева.

А СУПРОТЬ — ШУЛЕРА...

И сегодня опять, словно очень давно,
проигравшиеся досрочно,
затевают сынки
сдюжить в двадцать одно:
куш сорвать и бежать
беспорочно.
Материнский наказ:
«В добрый, детушки, час!
Повезет, чай, к восьмому марта...»
Да супроть — шулера,
те же, что и вчера,
а у них — крапленая карта.

Как пошла игра, засучив рукава,
так пошли сынки напрягаться,
бодаться.
Только что ж — ничего ж:
то возьмут двадцать два,
то опять выпадает двадцать.
Помутились зрочки, индевеют виски,
разом вздрогнули в рощах
березы:
проигравши портки,
все ж рискуют сынки:
выставляют мамкины слезы.....

КОСМИЧЕСКОЕ

Космос космосу молча сказал:
«Вот и лучик надежды вернулся».
«Он вернулся уж два раза!» —
Космос космосу улыбнулся.
«Значит, лад воцарится? Лады?» —
Космос космосу выдохнул звездно.
«Может быть. Если только беды
Не накликать еще не поздно».
«Так во всем предвосхитим беду!» —
космос космосу молвил квазарно.
«А не то, я себя изведу!» —
космос космосу бросил азартно.
Померцали еще ни о чем,
запредельным сияньем сияя;
космос космосу лег на плече,
выходя вдвоем из трамвая.

ПОЭТ УЖЕ НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ?

Светлым будущим (воспетым!)
торговали здесь поэты.
И вот будущее в прошлое ушло.
Смотрит прошлое-вития
мутными глазами Вя:
смотрит в зад себе,
где все еще светло.
А — поэты? Ах, поэты:
кто — в стерильные эстеты
(кто-то — в генитальный реализм),
кто-то... где идейку стибрит,
там ее и заверлибрит
(утиль-европейский верлибризм).
Разменяв на много «измов»
«Изм» Большого Коммунизма,
пребывают «душ инженерА»
кто — в прострации изрядной,
кто — в миграции отрадной,
кто — «Маскульт-привет!» орет с утра.

СТРАХ ПРИРАСТАЕТ СИБИРЬЮ

Страх Европы гонит в Сибирь,
страх Сибири гонит в Европу.
Страхов этих — цифирь не цифирь —
не изжить ко второму потопу.
И чем больше на них наплевать,
то оружием, то кружкой бряцая,
тем вернее не сдобровать,
одобренье себе прорицая.

Разделив страх на страх впопыхах,
по чужбинам адреналиня,
на беспамятных дундуках
евразийствуешь, евразиня...

ПОСТПЕЩЕРНОЕ

Пока в пещере темной пребывали,
все в общем-то мирились как-нибудь:
кто — ел, кто — пил, иные — лишь сосали...
Но кто-то даже пел... про светлый путь.
И вот пещеры стенка прохудилась
(иль кто-то глину выбрал на горшки?),
и вдруг в пещеру солнце закатилось,
ярчайше освещая кадыки.
И кто-то рявкнуть не успел: «Победа!»,
как челюсти у всех понапряглись,
сверкнули зубы в сторону соседа —
сверкнули, грозно клацнули, впились!
И все смешалось в скрежетном рычаньи:
кто побежал — изглодан был вдвойне;
кто обожравшись — в сладостном урчаньи
зализывал рубцы — пещеры вне.
Пещера пала, придавив кого-то,
сам Вельзевул в аду вострепещи!
Там, где была пещера, вонь-болото
образовалось... с запашком мочи.
Но бард явился (пламенный не в меру
потомок тех, что пели светлый путь
в пещере), он... вовсе поет пещеру,
и призывает воссоздать пещеру,
а солнце... занавесить как-нибудь!

ОСИСТЕЙ ОСИ НЕ БЫЛО, НЕ БУДЕТ

«...еще, небось, Европу мы нанижем
на ось Херня — Берлин и под Парижем
расселим тех, кто не дошел с ордой»

Юнна Мориц.

«Астрологи предсказывают...» —
Октябрь, 1993, N 2, с. 49.

Пусть даже не нанижем. Все равно
«Херня — Берлин» крепчает, не ржавеет:
осистей оси не было давно,
жужжит Европа, брага дрожжевеет
и под дерьмом скрывается гумно.
Берлин хиреет — здоровей Херня,
крепчает ось: хотя односторонне,
но держится, несет, цепляя и звеня;
со стороны Херни заклепкою — корона.
Сермяжные корону откопали,
исконную, ее на ось внесли
и, ёли-пали, бодро заклепали
и, заклепав, бодрей превознесли!
Нанижутся и галл, и бедуин,
и даже, может быть, безродный янки
проснется оклахомно поутрянке,
тряхнет себя: «Ну, оклемалси, блин?!»
(Нащупав ось... Ну да... «Херня —
Берлин»).

СТРАСТИ ПО КАШПИРОВСКОМУ

Приехал из Винницы — стильный! —
Рассеюшке всей загадать:
«Разбудит вас ваш будильник...»
Ах, мать твою не сыскать!
Будильник ведь был... коллективный:
то будит не тех, то не там:
сподобился встать дефективный,
а гений проспал. Тарарам!
Приспели, как тать, эпигоны
и, всех соврацая, вопят:
«Измерит вам ваш манометр!»
«Укажет вам ваш термометр!»
Мол, знайте, куда лишь совать!
От этих внушений бойких
пошло все наперекосяк
у первых людей перестройки
и у распоследних зевак.
Туды-растуды, невзнайчайно
проснулся народ весь не там:
формация стронулась тайно,
трам-пам-пам, парара-ру-рам.
А сей расп...яй Кашпировский,
хохлацкое семя, чужак,
российское принял геройство,
ну, то бишь гражданство. И так
двойная случилась подмена,
подлейшая в мире измена,
идет все наперекосяк.....

II. НЕДЕЛЯ ВЕЛИЧАЕМОЙ КУЛЬТУРЫ

ИРОИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ ОБ ИЗВЕСТНОМ ВЕЛИЧИИ, ИЛИ ОДЕССИТАМ ЗА ГИМН СОЙДЕТ

У Великой у Екатерины
величайшая, знамо, была
та, что ейной постигнуть глубины
прыть мужская никак не могла.

Кто не выдюжил, тот и не сдюжил,
ну а сдюжил — тем более смерть.
А в преддверьи — уж дюжина дюжин,
подготовленных так умереть.

Каждый выпарен в баньке, надраен,
отодраен, был ежли вонюч,
в предвкушеньи небесного рая:
хмель в глазу, на ширинке — сургуч.

Пали лучшие смертию бравых,

пали, счастье счастлих познав,
но случилось волнение правых:
«Се оттуду грядет левизна!»

Мол, падет чересчур население.
Мол, останется что впереди?
Мол, крамольное зело ученье
зародится, того и гляди.

И великая мать-царица,
поразмыслив, матушка, впрок,
мастерам повелела явиться
и для Ей произвесть поршенек.

Притащили Кулибиных двести,
отодрали Левшей ото вшей;
мастерюги кумекнули вместе,
не потратив тринадцати дней.

Был в диаметре поршень почти что
столько ж пядей, сколь и в длину.
Восхитилась матушка: «Ишь ты!
Заодно спасаю стран-ну-у-у!..»

Но при Ей землячишко был — Дизель
(из ирманцев тцедушных). И — что ж?
Подсмотрел, — душонка-то мизер, —
спер идею и стибрил чертеж.

Уволок в Ирманию тайно,
куда выдворен был-то взашей,
и наладил там, вражина, явно

выпуск этих... нуда!.. дизелей.

Так воочию гениев русских
обокрали в раз очередной...
Выпьем, братья, не ради закуски —
ради памяти Ейной святой!

И да знает мир, Ею спасенный:
где, когда, и кем, и зачем
был тот двигатель изобретенный,
и похищен когда был и кем.

Пей за родину дизельных, братцы,
за отечество поршня с кольцом!
Пей! Похмелья не стоит бояться:
сила наша — и дело с концом!

На конце же том — город Одесса,
самозванная дщеря Ея:
беспробудно гудит эту песню,
поршенька тайну свято тая.

А-ах-х-х!

Вместо Гимна поет эту песню,
поршенька тайну свято тая.

АЙ ДА ПУШКИН!..
(СИРЕЧЬ: ПУШКИНИАНА, АЙДА!)

**1. ГАВРИИЛИАДЯ, ГАВРИИЛИАДСТВУЯ,
НАГАВРИИЛИАДИВ...**

«Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не в лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и Богу...
Всевышний Бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына...»

А.С. Пушкин. Гавриилиада.

То озуруя, то шая,
писнул — нагавриилиадил.
С воображеньем-де не сладил:
лишь материализма для
да проучения цензуры,
где цензоры — поповской шкуры.
В сюжете выше всяких сил
пошлил (не Гоголю бы в уши!)
и сочиненьице пустил
по спискам во хмелю пирушек.
Что ж не замедлил отречься,
перед Комиссией представ,
прах Горчакова оболгав,
царю покорно изъясняться?
Лишь для того, чтоб — неужели? —
в Одессу не сослали вновь

(перед Одессой — в Кишенев),
иль для того, чтоб возымели
пииты образец таков:
раскаиваться понарошку
за уличенную оплошку?³
И потому в ближайши годы
тебе, при случае, болел
атеистической свободы
«Сверчку» указанный предел?³..
Но вот потом, сжигая списки
эротомании огня,
впитавшие энергий низких
интерессантов ото дня,
ужели убоялся... ада?³
Неужто беса чуял взгляд?³
Навек нагавриилиадив,
остался сам себе не рад?³

2. НА ЛОНАХ ГИБЕЛЬ И ГЕРОЙСТВА — ВОТ ТЕМА ТЕМ И ТЕМЫ СВОЙСТВА

«Богиня песен и рассказа...
Расскажет повесть дальних стран...
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок...»

А.С. Пушкин. Кавказский пленник

Увы, богиня не успела,
а в чем-то и не преуспела,
но тема начата была!
Краеугольный темы камень
надежно лег, лежит покамест
все там же, во главе угла:
свершенья, подвиги на лоне
российских витязей! Везде:
под склонами, в пыли, на склонах,
поскольку чувства не в узде
у витязей, да и у местных
поклонниц пришлых удалцов —
Бэлл, Эльз, Мари, всегда уместных,
и Василин, в конце концов.
Сюжет на премию: влюбленье
(и жизнь, и слезы, и любовь!)
в освободителя: срамленье
всех пАрубков и парубкОв...
И победителя потомство,
патриотический помет,
воюет вновь... Но вероломство
грузинок мстительных
гнетет.
Отравлены грузинок лона,

изменой дышат, как одно...
Что ж, гибель, витязя достойна:
хоть для народного кино!

3. ЛЮБОВЬ К НЕМУ НЕ ЗЛА

«Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами:
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами».

А.С. Пушкин. Друзьям.

Его так просто полюбить,
за место царское хотя бы,
любовию свободной, дабы
до дна свободушку испить.

Нет, он хороший. И умен.
Владеет шпагой. И речами.
Не ради злата и знамен
он возвышается над нами.

Пусть неказистый. А зачем
ему в плечах косая сажень?
Он ведь не только сам на страже,
но и при страже насовсем.

Он всех достойнее мужчин,
он многих дам во всем искусней.
На нем и офицерский чин
лежит прилежно и со вкусом.

Россию как он оживил?
Войной, надеждами, трудами!
Ну просто формулу явил
(открыл), но это — между нами.

Нет, правда: в Бога хочешь верь,
а хочешь — нет, но царь наш — свыше,
Богопомазанный. Теперь
и присно в нем Дух Божий дышет.

Я льстец? Но льстец лукав, утроба,
накличет горе он царю
и царству, и народ угробит.
Нет, братья, правду говорю.

Любовь к нему не зла, поверьте.
Он снится, но не в неглиже.
Да что же вы смеетесь, черти?
Аль вы не здешние уже?

4. МАЗЕПОВЕДЕНИЕ

«Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней...
Немногим, может быть, известно...
Что он не ведаёт святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны у него».

А.С. Пушкин. «Полтава».

Сколь был Мазепа нелюдим,
досель известно лишь двоим:
царю Петру — творцу святыни,
ценившему все благостыни,
свободолюбцу всех времен,
отчизн радетелю премногих,
ни капли крови, слава Богу,
нет, не пролившему под стон, —
и камер-юнкеру, поэту,
любившему... ах!.. Боже мой,
и лень, и славу, и святой
на ложе труд; то ту, то эту,
от любознательных кузин
до жен друзей и меценатов:
Натали три, пять Катерин,
четыре Анны... Прочих знатных:
Аглаю-мать, Адель-дочурку,
Прасковью-мать, Евпраксию-дочь,
Елену, Софью-балагурку...
всех сосчитать никак не в мочь.
Был Гончаровой Натали

в том списке номер сто тринадцать
(иные вряд ли бы смогли
с поэтом в том труде тягаться;
Потемкин разве что: мужчина,
своих племянниц племенник,
да мать-царица Катерина,
Ея священен также лик).
... Вот Петр-царь и завещал
поэту Александру знанье
(ну, о Мазепе). Каб стращал
поэт Мазепой мирозданье.

5. МОРЕ ЩЕТИНЯЩЕЕСЯ

« Славянские ль ручьи сольются в
русском море?

Оно ль иссякнет? Вот вопрос.

.

Иль мало нас? Или от Перми до
Тавриды,

От финских хладных скал до
пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..»

А.С. Пушкин.

«Клеветникам России».

Ручьи поскольку,
значит... море?
Не что иное! Да и да!
Но что за море? Право, горе,
святое горе, господя!

(Иль — Господи?). Нет, что за виды:
от Перми прямиком и до Тавриды,
от финских хладных скал до пламенной Колхиды,
от вечно потрясенного Кремля
до стен почти недвижимого Китая, —
сплошь, сплошь и сплошь, но... скажем, не юля:
«Обло, стозевно...» Что... и... лаяй?!
(Радищев, о, Радищев был
на ухо чуток, не разиня).
Но чу!.. Щетинится, щетиня
вовсю берега... Не видно рыл,
щетины же... Неисчислимо!..
И — звуки, знатные, вестимо.
Сюда, славянские ручьи!
Сюда, журчащие весенне!
Чу! «Ах вы, сени мои, сени!»
Чу! «Ах вы, сени наши, — чьи?»

6. ЧТО В ИМЕНИ

«... В мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

А.С. Пушкин. Я памятник себе воздвиг ...

«Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда б ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...

.....
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»

А.С. Пушкин. Кавказский пленник.

«Что в имени тебе моем?..»

А.С. Пушкин.

Мне в имени твоём: Ружейкин, Пистолеткин,
Мортиркин, Карабинкин, Палашов,
Картечкин, Пулеметочкин, Гашеткин,
Напалмов, Истребителькин, Ракеткин,
Блиндажкин-Гудермесовских-Лесов...
Ну почему, скажи, твой гений дерзкий
лишь только к падшим милость призывал,
любя народы меньше, чем железки
в руках державных рыцарей? Избрал
тебе Господь не понарошку имя
и к имени востребовал судьбу...
К местам кровавой славы пилигрима,
любя кибитку больше, чем избу,
ну почему меня ты вопрошаешь
об имени удавшемся твоём?
Бессмертнейше бравируя, играешь,
заигрываясь?.. Ну и поделом!

ТА ЕЩЕ ГЕОГРАФИЯ!..

«Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги до Евфрата, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек».

Федор Тютчев. Русская география.

Раздвинуть столь во все концы
Свои священные границы,
Чтобы всю жизнь потом стремиться
За полосатые столбцы:
В Париж ли, в Эмс, во Влтаву, в Ниццу, —
Куда-нибудь, но за границу
(Придумав слово «заграница»!),
На слово «импорт» все молиться
Из этой ламца-дрица-цы:
Которой краше и милее,
Родней, священной и добрее,
Вестимо, в мире целом нет,
Которую во сне ли, в яви,
Не зреть, так видеть в вечной славе
И в редком звуке оперетт.
Оттуда же, из-за границы,
О ностальгии излагать,
Любить «Калинушку» и «рать»,
Любить клопов и половицы,
И кислый запах молодежи,

И хамский возглас: «Перемать!..
Переимать!..»
Как Турбины во дни потопа,
Очередного невзначай,
Как Бродский — хоть не недотепа,
Но гений, хоть и разгильдяй;
Как все, кто приобщился к славе,
Себя считать изволил вправе
Чтить географию одну,
Лишь ту, что тащит мир в Страну,
Хотя и странную.....

БРАЙЛОВСКИЕ ВИДЕНИЯ В НОЧЬ БЕЗ РОЖДЕСТВА

Над озером не-Чудским
не Азия склонилась —
над самым-самым чутким
не ты ли, тень Петра
Чайковского: зачем-то
явилась ли, приснилась, —
Брайлову-селенью
селеня до утра?

С фон-Меккши тенью нежной
пугливо разминувшись,
что ищешь в иле этом —
истлевших негу, да?
О чей-то сон споткнувшись,
отчетливо ругнувшись,
бессмертие влачишь ли,
спешишь ли в никуда?

Мальчишек обольщенных,
использованных тайно,
сюда не ходят тени:
стыдлив-то малоросс!
Стыдлив и после смерти:
в раю ли невзначайном,
в аду ль неощутимом
кипя в геенне слез.

Предатели Мазепы,
жирели Чайки-предки,
и пал Петруше жребий —
во искупленье всех:
достался в одночасье
ему и гений редкий,
и самый непривычный,
содомский самый грех;

стыдливости остаток
достался самый рваный,
и все ж его хватило,
чтоб чести суд приять
и, по суду, немедля
испить стакан отравы:
чтоб ночью дивной этой
Браилов навещать.

Имперския культуры
ревнители сугубо
твой гений величают,
к нему нахально льнут.
И только тот... Мазепа,
иже был предан грубо,

тебя в мирах тех вышних,
поди, щадит чуть-чуть.

Судьбу твою и рода
он видел в жизни прозе
и предвосхитил даже,
по-гетмански простив:
«Ой горенько тій чайці
при битій при дорозі!» —
там где-то, вышних выше,
звучит его мотив.

ДОСТОЕВСКОЕ

Возлюбив идею Христа,
недолюбливал даже в божбе
«полячишек» и «малороссов» —
тех, чью кровушку чуял в себе.
А всемирности нимб ежечасный,
самодельный такой, расписной,
созидал над пропитогласным,
вострым людом с лужёной душой.
С ним духовно в припадках сливаясь,
то жалел, то радел-величал;
то жалеясь, а то величаясь,
богоносцев в грязи открывал.
Но плевать ему было в колодцы,
если пили из них «инородцы».
Ты из города Скотопригоньевск?
Широчайшая, значит, душа!
Сын Варшавы, где камушек стонет-с?
Нет всемирности в нем ни шиша!

И гибрид Боголюдья с ордою
Он в припадке однажды узрел.
Было ль это бедою? виною?
освящал ли души беспредел?
(Богоносцево, мол, — Богоносцу:
в ружьецо! налегке! по морозцу!).
Хроникер, диалектик, эклектик
да в шинелке с чужого плеча,
самозванный «Шинели» наследник,
промерзавший не раз сгоряча,
он, хвалебный Имперьюшки гений,
все же, видно, шляхетские гены
где-то, верно, в себе не убил, —
раз увидел не то, что хвалил?
«Бесы! Бесы! — воскликнул в удушьи. —
Смердяковы пришли, уже тут!
Игрочишки играют на душу,
Верховенские властно грядут!»
(Вот тебе и потуги вселенские:
верховодят уже Верховенские!).
Гений, русского слова Бетховен
и трофей его самый большой,
досточтимейший, достогреховен,
правдоимец
с нележкой душой.
Но в душе той звучало сопрано,
а судьбе причитался Олимп...
«Достоевщина!» — бросит Ульянов,
верховенщину пяля на нимб.
А новейшие «лениноборцы»
обэкраният и перепрочтут:
мировейшую миссию — с форсом! —
к «инородцам» опять понесут.

БУЛГАКОВСКАЯ ПЯТКА

«СССР был разрушен с телеэкрана.
Все ракетные площадки, все истребители,
бомбардировщики и авианосцы остались
на своих местах, а между тем страна парализована.
Наши противники измеряют мощность
идеологических ударов буквально в мега- и килотоннах,
как мощность ядерных боеголовок...
Фильм («Покаяние» Абуладзе) или
спектакль («Собачье сердце» Яновской)
могут быть приравнены к нескольким ракетам СС-18.
Так считают — и не просчитываются! — наши враги».

Сергей Кургинян.
Капкан для России, или Игра в две руки. —
Наш современник, 1993, №2, с. 151.

Михаил Афанасьевич, ах, Михал Афанасьич!
Взглядом Вы долетали
до середины Днепра.
И шинелку, шинелку-то, прям' да с Гоголя,
в стиле Акакиевича,
Вы так ловко надели, сузив малость в плечах
втихаря.
Эполеты на ней воссияли разительно и —
заразительно,
и, не парий, но витязь, над людскою юдолью паря,
белый вальс белой гвардии Вы вели восхитительно
вокруг белого-белого, очень белого очень царя.
И — не зря.
Коли грянуло,
все нарывы прорвало, сорвало все пелены,
и воскресли мазепинцы, за Петлюрой спеша не спеша,
Вы по-егерски метко на кручах днепровских,
пристрелянных,
наповал их валили, медицинская Ваша душа.

*А потом — описали (ударение верно!) в романище
шароварное войско с его ахиллесовой вечной пятой:
неуменьем расстреливать властно и дерзко,
кровавяще, —
чтобы ужас вселять, а не крик подымать холостой.
А потом был «Батум» — пьеска тоже сравнительно
крепкая;
в ней Сосо Джугашвили, двенадцати лет уже вождь:
поучает, решает, прорицает, язык не коверкая, —
словно к духам шаман, к Исторической Истине вхож.
Но сперва — Мастер был.
Несгораемый. При Маргарите.
И впервые шинелишка
тесноватой казалась, авось.
И пред Богом представ,
Вы услышали: «Говорите!».
И пред Гоголем тоже
тушеваться почти не пришлось.
Удивлялся Господь.
Петр не верил весам безошибочным.
Но тогда донеслось
(из геенны ль, где белых — кишмя):
«Грех на нем! Русский Бог!
Ты суди его нам безулыбочно,
ибо «Сердце собачье» — грех на нем,
всех грехов окромя!»
...Вот оно и аукнулось, —
повестушка из ранних, нечаянных:
свежий киевский взгляд
на загадку широт и глубин
той природы, которую
величать бы, нуда, величаемую,*

*а не Сердце Собачье
чують в ней, господин...
Михаил Афанасьевич, что ж Вы надел... ах, наделали?!
Всех убитых петлюровцев... нет, не хватит,
не хватит, как ни считай:
чтобы грех тот восполнить,
особливо пред самыми белыми,
и пред самыми черными,
побелевшими вдруг невзначай.
Ну зачем Вы по-киевски, по-житомирски,
по-перемышльски
задержали свой взгляд, испытав омерзенье свое?
Все петлюровцы, вставши, не сумели подобной бы
встряски-то
произвестъ на земле,
где доселе звучит «Ё-моё!».
Бог, нуда, не зануда,
но все ж — поелику-потолику,
у юдоли на службе, —
взгрустнув, не решил — отложил:
«Ты поди, Офанасьич... в Чистилище... к
братьям-католикам.
Там и Гоголь Никола
Изрядно, терпимец, пожил».*

О СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ ЗЛАТОЕ СЛОВЦО

Серебряного века
пыльца-гнильца смердит.
Страшна для человека,
мутанту не вредит.

Слезя да кокаиня,
прощался с веком век.
Стоял хохол-разиня,
забрызганный навек.

Остатки эры сладки,
и радостен испуг.
К Распутинской кровати —
весь высший Петербург.

Княгинюшка-два-уха,
графинюшка легка.
Духовная житуха
в четыре языка.

Духовные исканья
под облаком духов.
Истошное скаканье
во всю глубь потрохов.

Кто духов вызывает,
к тому они идут.
Кто к Господу взывает,
на смех того берут.

Военные гогочут:
«И водку — победим!».
Церковные пророчат:
«Нам победить — не им!»

Военные на бойню
солдатушек ведут —
те песню о привольном
Отечестве поют.

Поет-блюет богема,
цыганщина вопит.
Возжаждавши гарема,
строчит стихи пиит.

Пал в гедонизм не шавка —
ВОЗМЕЗДИЯ певец.
... Увидит он над шайкой
из роз Христа венец.

Но в веке двадцать первом,
пыльцой-гнильцой дыша,
вздохнет хохол: «Ах! Верно —
Духовности душа!»

Пыльца-гнильца мутанту —
амброзия и мед.
Тоска по аксельбанту
тоску расправ ведет.

**ВЕРА КИЕВСКО-ЧЕРНИГОВСКАЯ,
ИЛИ
ОШИБКА ГОГОЛЯ**

«По-Вашему русский народ — самый религиозный в мире: ложь!
Основа религиозности есть пиетизм, благоговение,
страх Божий. А русский человек произносит имя Божье,
почесывая себе задницу...
Он и об иконах говорит: «Годится — молиться,
а нет — так горшки накрывать...» Приглядитесь пристальнее,
и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ...
Религиозность не привилась в нем даже к духовенству;
ибо несколько отдельных, исключительных личностей,
отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностью, —
ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства
всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим
педантизмом да диким невежеством».

**Виссарион Белинский.
Письмо к Н.В.Гоголю.**

Наивнейший Гоголь! Над ним — Божий Страх,
и — путь-дорога, дороги...
И сердце свое в своих же руках,
и — все. И небесны чертоги.
Се вера Яновских жива в нем пока,
и Острияницы,
и Бульбы.
И он одаряет ею слегка
своих адресатов. Как будто
ему, чудачине, дано одарить
всех тех, кто умеет лишь брать да сорить.
А он одаряет, чудила,
и тех, кто, как бубен, прослышан, но пуст,
и тех, кто по глупости сам-златоуст,
и тех, чья лишь в имени сила.

«Русь» — имя сладкое: как имя «рома»
париям Рима, самым никчемным.
Кто ж это знать мог, в Нежине нежась,
вместо шаманам служить в Заонежье
или на Чудском берегу;
старцев печерских все чтя да читая,
в «Патерике» ихнем души не чая,
Богу молясь да прощая врагу?
Ведать не мог, не рискнул догадаться,
на слово клюнул, премудрый пискарь
(первый раз — «братья», второй раз — «братцы»),
вот и заблажил
софийно, как встарь.
Будто бы Киев в Москве и в Торжке,
будто бы Нежин тебе и в Козлове,
будто Чернигов, как есть, да в Тамбове...
Виссарион ведь — не лыко в строке!
Виссарионище ибо! Се он
кашлем прокашлял московские дебри,
мысль каждодневно холя и жерЕбя,
в чем-то — идейный, а в прочем — силен!
Вот и застукал. С поличным поймал.
Хоть возвращайся в свою Малоросью,
Нежином нежен, лелеянный Росью.
Мало поможет тебе даже то,
что набрехали Аксаковы славно,
славянофиля-юродствуя, что
Русь-де святая везде, где исправно
Святцы завезены...

Даден тираж,
вот они есть и в деревне под Пермью.
Были бы в душах! Но в душах — мираж;

ризы воняют бражулей да спермью.
Ибо молод народ. Юн зело. Даже — мал!
Хоть, при всем том при этом, великодержавен.
Тут оно и оно! Потому и приял
имя «Русь», славу Киева, жаждет Варшавы...
И твое имя впишет себе на скрижаль.
И метанья-исканья твои приспособит
своему величанию и — Боже, как жаль! —
сил духовных своих завышению пробы.

ГОРЕНКО-ГОРЮШКО, В МИРУ АХМАТОВА

В Кремле не надо жить — Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх и всех иванов злобы,
И самозванца спесь взамен народных прав.

Анна Ахматова. Стансы.

В Кремле хоть не жила,
но очень нежила
все царско-сельское
и Петербург.
Зато и долюшку,
Горенко-Горюшко,
Господь вlepил тебе,
хоть был сам-друг.
Господь любил ваш род
со дней летичевских,
но что поделатъ мог
на той стезе,
где поэтических от политических,
коль отличает власть,

то по слезе.
Читала «Кобзаря»,
но мало поняла:
какой тяжчайший грех
для земляков...
Летя зигзицею
над колесницею,
не прокляла — увы! —
людей-штыков...

БИБЛЕРИАНА

1

«Европейские идеи в русской речи — это русские идеи, вместе с тем европейские, за границу уходящие и на границе развивающиеся».

В.С. Библер.
Национальная русская идея? — Русская речь!
Опыт культурологического предположения. —
«Октябрь», 1993, №, с. 164.

Ой ли, да ой люли,
увели идею!
Вот ее вели, вели,
на границе сели.

Нету дальше хода
ей без перевода!

И случался перевод
на границе русской:

каб не посчитал народ
ту идею узкой!

«Пали-сад-ничек»?.. Скорей!
Есть: «лесо-поваль-чик»!
«Троту-ар-чик»? Ну, шустрой!
Будет... «котло-ван-чик»?!

За идею потому-то
не щадили живота.
Кто — балдел: «Вот, братцы, круто!»
Кто — сиял: «Вот лепота!»

Только «инородцы» ныли,
не всегда «врубались»:
мол, не мы переводили,
не мы про-све-ща-ли-ся!..

2

«Пушкинское отношение к речи, пушкинское переживание речи как ОТКРЫТИЯ, пушкинский язык есть идея русской истории XIX века...

Для начала обращу внимание на одну второстепенную, но очень характерную деталь: «У ворот стояло НЕСКОЛЬКО винных БОЧЕК и две пушки» — в точном соответствии с тем, что может заметить человек, проезжающий мимо на бричке...

Так начинается отсчет новой (в речи затаенной) судьбы народа».

В.С. Библер. Там же, с. 168, 169.

Ах, речуха, ты — житуха,
ты ль не бытие?
Бочек — больше, пушек — меньше,

идеи цевье!
Пьет идею люд кромешный,
крепче заряжай!
Там, за выстрелом, не здешний
зреет урожай.
Там — смуглянка-молдованка,
там и виноград...
Забивай потуже в пушку
идеи заряд!
Бочек — больше? Ну и дело!
Это хорошо.
Пушек — меньше? Что за дело?
Выливай иш-шо!
Если меди не хватает,
плавь колокола!
Коль идея вдохновляет, —
не-была-была!
Леший бродит в колокольных
при таких делах?
Медь набатная привольно
грянула в стволах!
Колоколен опустевших
бес полез: «Хе-хе!..»?
Медь набатная потешно
грянула в стихе!
Ах, судьбинушка ты рЯба,
ты ли не судьба:
не по капле — по снаряду
из себя раба!
И... в себя... раба?

3

«Конечно, ИДЕОЛОГИЧЕСКИ можно отнести Чаадаева к оппонентам Пушкина, увидеть глубинные различия Достоевского и Толстого, Герцена и Хомякова, но — хотят эти мыслители или не хотят, — говоря и выражая свои мысли на ОДНОМ языке, они устанавливают «мостики» между идеями; какие-то глубинные переходы (в плане идеи-РЕЧИ) приходится сохранять, развивать и углублять».

В.С. Библер. Там же, с.164.

Так-то! То-то же!
При том же
(особливо изнутри)
речь-идея вроде... бомжа
меж идейных
(в корень зри!).
Во корню же, возле корня
речь-идея-муравей,
нечто общее проворя
(что?)
идею всех идей,
ту, исконную), являет
само-самое, свое,
ретиво: Бог ли знает?
Или знает... Муравьев?

4

«Иосиф Бродский очень точно... сказал о Платонове: «Язык прозы Платонова заводит русский язык в смысловой тупик или — что точнее — обнаруживает тупиковую философию в самом языке... Наличие абсурда в грамматике свидетельствует не о частной трагедии, но человеческой расы в целом.

...Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее — о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впадшем от него в грамматическую зависимость».

Осмысленная Платоновым речевая идея на долгие десятилетия определила сознание и судьбы человека, говорящего по-русски».

В.С. Библер. Там же, с. 173 — 174.

Даже если тебе только снится,
что твой суржик — и есть т о т я з ы к,
все равно и тебя колесница
тащит в этот тупейший тупик.
Даже если ты — чукча из чума
или «местный», «тутэйший», никто,
все равно и твоя недодума
вовлекается той пустотой.
Защищайся тогда степенями
самых модных и местных наук,
величая свой суржик слюнявый
по-нездешнему: «Наш волапок!».
Колесница несет безвозвратно
(Библер знает — умеет молчать)
в смысле самом — да! — общепонятном
(Бродский знает — не хочет сказать).

«Поэтика Бродского глубоко и вызывающе ИНДИВИДУАЛИСТИЧНА, опирается на рискованную суверенность одинокого, отдельного «россиянина» или, скажу резче, используя одиозное словоупотребление, — «РУССКОЯЗЫЧНОГО индивида».

Современная русская национальная идея, угаданная и поэтически гиперболизированная, заостренная (ах, шалун купидон!) в поэзии Бродского, — это идея российского Одиссея, блуждающего, путешествующего, затерянного в открытом культурном море, возникающего уже не на ГРАНИ с иноязычными культурами и ландшафтами (как во французской пограничности Пушкина), но полностью — с ушами и глазами — отрешенного от своей земли и погруженного в чудовищное смешение и борение языков («ментальностей», духовных установок). Но именно в ситуации Одиссея и обнаруживается вся сила привязанности к своей земле, зависимость от нее, от возлюбленной Пенелопы».

В.С. Библер. Там же, с. 179.

Коль не приняла Рассея,
 приписавши «-изъм»,
 роль возможна Одиссея,
 только не ленись.
 Услаждая плоть комфортом
 тамошних земель,
 барствуй, бардствуй, — к черту, с чертом, —
 зычно менестрель.
 Менестреля, гусяруя
 во чужих мирах,
 пой земли одну шестую
 да на всех ветрах!
 Пой вместо Пенелопы,
 страстно и взаимно,
 из Америки, Европы

наблюдая, — пой!
Пой Имперыюшку, корону
слезно величай,
пой коня, слези попону,
стремена лобзай.
Но при том, на всякий случай,
не-была-была,
то зырян лягни, то чукчей,
то — сильней — хохла.
Всякий случай, он — не лишний
во судьбе твоей,
хитроумный, раскудышний
мира Одиссей!

6

«И все же — в заключение: каким страшным и роковым для самого существования русской речи — русской идеи стало бы новое общенациональное возрождение имперской или (и) мессианской идеологии...»

В.С. Библер. там же, с. 183.

Но вот вам открытый финал романа
речи-вампира с шальным Бытием:
у н е о и м п е р с к о г о Левиафана
во чреве урчащем... блеет живьем...
печерское что-то!.. Блея, вещает
и, перевариваясь, смердит.
Воздух испорчен, маразм крепчает.
Кал ожидается, ох, ядовит!
Ах, «Флюс-Европушка», сколь ядовит!..

III. НЕДЕЛЯ ЗАКОЛОЧЕННОЙ ДЕРЕВНИ

ЗАКОЛОЧЕННОЙ ДЕРЕВНИ ЭКСКЛЮЗИВНАЯ ПОБЕЛКА

Кому это, к дьяволу, может быть любо:
в деснице сжимая разбухшее лыко,
белить спозаранок заброшенных срубов
замшелые стены,
прогнившие стыки?

Во имя чего? Из какого расчета?
Вонючая известь подмышки проела.
В тех срубах-клоповниках
сыщешь ли черта,
оставишь ли собственных болей тело?

Ненужное, чуждое это раденье
сродни помрачению ли, наказанью?
Зачем? Почему? Лишь бы в день воскресенья
деревня-чернуха всплыла лебедяню?

Чур! Верно, хохлацкие происки это?
Не происки даже — наслание злое

в отместку за некие... может... запреты...
иль... вечную помощь во время былое?

Забросить бы щетку — к руке припаялась.
Ведро опрокинуть бы — нету уменя.
Покрыть бы все матом... Прискорбная жалость:
язык непослушен
реченью-спасенью.

Упасть и забыться? Увы: невесомость!
Бежать? Деревянные ноги не гнутся.
Печальнее нету, злосчастная повесть.
Господь, неужель не поможешь проснуться?

ПОУТРЯНКЕ НА БЫВШЕЙ ЗАГРАНКЕ

Ты ли, бывшая загранка,
слышав мат, отпрянешь ли?
Где же скатерть-самобранка,
где твой домик пряничный?

Самобранки, молвишь, нету?
Пряничным манила лишь?
Ах ты ж!... Ну, гони монету!
Не то — жизнь выложишь!

Путрянке на загранке
от ребят-брательников
ропщут чехи, немцы, янки,
гангстеры-подельники.

Да! А то ли еще будет,

коль пойдёт второй сеанс,
и ребятки «выйдут в люди»,
грянув Русский Ренессанс!

ПОСОЛЬСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

(Ближнезарубежная)

Воплотил ли Русский Бог
Собакевича, Ноздрева?
Воплотил, на тучке лег,
вздохнул где-то у Тамбова.

Воплощенным повелел
быть послами в город Киев:
ради самых русских дел,
самых — со времен Батя.

Ах ли, киевские дни,
вы — московские денечки:
ни за понюшку мани
стратегические точки.

Собакевича ли лай
возрождай дипломатично,
по-ноздrevски махлевай, —
широко, упрямо, зычно!

Чем нахрапистей возьмешь,
тем сговорчивее будут.

Чем нахальнее соврешь,
тем учтивей не забудут.

Нет для скромности причин,
у тебя — Печерск в фаворе!
Енаральский примешь чин
тут от местных бутафорий.
Бутафорской булавой
воссияешь с опохмелу
и ноздревской головой
покиваешь интерполу.

Кто сказал, что путь — во мгле?
С вышней помощью он — светел.
Чичиков сидит в Кремле.
Чичиков тебя отметил.

НАПЕВЫ С ПОДПЕВАЛОЙ

— Исторически сложилось!..
— ... Исторично й склалось:
розстрілялось, закопалось,
на той світ сховалося!

— Но еще теснее надо!..
— ...Бо не маєм вибору:
це — веління долі й часу,
ніби: «Дай, бо видеру!»

— Интегрироваться так бы!..
— ...Щоб назад вже — не з руки:

ви — діла, ми — дифірамби,
гайки — ми, ви — літаки!

— Чтoб не нужен переводчик!..
— ... Бил меж нами, брaтьямі,
потому: понятнo очінь, —
так, і по понятіям!

— Исторически ж сложилось?!..
— Іменно, што склалося:
расстрелялось, закопалось,
на тот свет сховалося!
І — не переверталoся!
Всьo!

ВАШ ВЫХОД, ВЫХОДЦЫ!

«А меж ними і землячки
Де-де виступають.
...Чорнилом політі.
Московською блекотою...»

Тарас Шевченко. Сон, комедія.

Ах, выходцы,
не вы ли проходимцы —
курьеры, адъютантишки, чтецы,
наушники, нижайшие мздоимцы,
привратники, при стервах стервецы?
На деньги метрополии, по зову,
слетелись в одночасье, «кар-р!» да «пшик!»,
смакуя вместо убиенной мовы
коверканный, обкорнанный язык.

Корнать, коверкать, быть других проворней, —
для высшей цели, выше просто нет:
во имя сытной жизни коридорной —
хоть приковерной, хоть и наковерной, —
способны вы на все. И на минет.
О подковерной истово мечтая,
любую роль играли вы, и вот
роль подсадной пришлась вам, увлекая;
роль Кролика-в-мешке зовет. Зовет!
«Ваш выход, выходцы! — вопят суфлеры. —
Умнее вид! Лощенней камуфляж!
Прямее взгляд: вам — по коленки море!
Курносьте нос, храните макияж!»
И прибыльно курносить, и приятно,
и совесть отдыхает: мол, — игра!
... Но сон приснится, где хорунжий внятно,
так внятно прохрипит, что аж приятно:
«Ну, вихідці, до виходку пора!»
Се значит: совесть навестит во сне,
здоровьица лишая вас вдвойне.

БАСНЯ

Нажравшись, Кукушоночек взъярился
и, первенец Соловьево гнезда,
выталкивать «братишек» пристрастился:
пищат-де черти-что,
уродцы, без стыда!

Кукушка пролетала — похвалила:
«Живешь по справедливости, сынок!

Ты — гений! Созидательная сила!
Храни тебя наш Кукушиный Бог!»

А Соловьев кляла да проклинала:
«Подлее не видала на веку!
А хитрые! А глупые, каналы!
За все века, что мы им братски клали,
не обучились нашему «Ку-ку!».

БАСНЯ-2

Шакала к Зайцам
Волчий Сход послал
по добру по здорову объясниться,
что, мол, братанья час настал
с тем, чтобы воссоединиться
(ибо зайчатинки стал забываться вкус).
Шакал, явившись к серым, бухнул: «Эй, косые!
Я здесь вам посол, а не таежный гнус.
Протрите уши, вытяните выи!»
Не лыком штопаны, рожденные не пальцем,
аборигены жирненькую кость
да корешков хмельных нашли, страдальцы...
Погрыз — и подобрел суровый гость.
И — Кролика из темного мешка
пустил на свет, и тот не растерялся,
грудь выпялив, всплакнул исподтишка,
навзрыд воспоминаниям предался:
о том, что были ж, были времена, —
им пороги быльем не дать бы только, —
когда по-братски жили племена...
не все, конечно, но с Зайцами Волки!

Все было общим: логово, судьба,
парнокопытных вместе добывали,
морковь делили, травушку едали,
глазели в дождичек из-под гриба!..
И — сплошь роднились! Ночью на луну
от браков смешанных как славно выли дети!
Пока однажды Зайцы ту страну
разрушили; ушли,
греха в том не заметив...
Шакал — рыдал!
И слушатели — тож;
Развесив уши, многие поникли.
Но тут Зайчонок (выискался все ж!):
«Ой, боженьки! — взвopil. — Так это ж будут и к л а *
у папеньки?.. У папенок?!.. Боюсь!
Ой, боженьки! От страха утоплюсь!..»
И встrepенулись Зайцы!
«Замолчать!!! —
взревел Шакал. — Ведь и моя — Зайчиха
была на этом белом свете мать,
и я вам не паз-з-з-зволю мою мать
здесь обижать, уродцы! Тихо! Тихо! Тих-хо!..»
Конфуз и горе.
Кролик тут же сдох:
на чем сидеть, на то и повалился.
Без Кролика такого — ах да ох! —
Шакал ни с чем на Волчий Сход явился.
За что и был разорван на куски
(непоправима тоже в общем-то утрата).
В сношеньях волко-заячьих ни зги
на время стало: брат не видел брата!

* Укр.: клыки.

* * *

Но слух прошел: рядят послом Осла,
чья матушка (о том он уже хвастал),
нуда... из этих... что не помнят зла...
ну... травоядных, да, косых, ушастых...

БАСНЯ-3

(Согласование прошлого)

«Все зло в подлунном мире оттого и происходит,
и оттого зайчатина теряет прежний вкус,
что с детства Зайцев не туда заводит
истории ушастых для ушастых курс.

И это должен осознать клыкастый каждый», —
во мнении таком сошелся Волчий Сход однажды.
Имелись основания на то.

С тех пор, как Зайцы общих логов избежали,
они кичились, прятались, чуждались,
косели и косились, как никто.

О прошлом же бубнили чёрт-те что:
мол, от клыков лишь гибли травояды,
а Заяц, увести решивший стадо
из-под Волков, — герой-де на все сто.
Мальцам своим с пеленок эти бредни
талдычат от обедни до обедни.

Оно б и ничего, но внемлют этой фени
Косули, Лоси, Лани да Олени.

На сходе предложения звучали,
как музыка памятных времен:

«Не дать фальсифицировать скрижали!»;
«Косых — к рассудку да через рожон!»;

«К ручью тропинки перекрыть сейчас же!»;
«И к пастбищам тропинки перекрыть!»;
«Создать Комиссию «Истории на страже!»»;
«И с ихней стороны такую ж учредить,
но с той же верной, справедливой целью!»;
«И пусть нас только Вовами зовут!»;
«И пусть Зайчата семь по трижды на неделю
«Песню Волчат примернейших» поют:

«Я сижу на косточках,
Не могу накушаться.
Дядя Вова говорит:
«Надо маму слушаться!..»

Волк Божий Клык, на сходе правив бал,
всем предложеньям радостно внимал
и сам определил состав Комиссий,
сам предложил, чтобы от Зайцев был
предложен в председатели Постыл
Косноязычный-Губошлеп Паисий;
Паисий, иже тощ и стар, как черт,
и все забыл, что знал наперечет.
И вот, лишь стали стражи у ручья
да к пастбищам наряды потянулись,
Комиссии сошлись, и стало видно, чья
сильнее правда, чьи деревья — гнулись...
Под общий одобренья шум и гам
от двух Комиссий Губошлеп представил
Доклад «О братстве и на зло врагам,
или О клыкофобии вне прав и правил».
В докладе предок общий Зубо-Клык
упоминался к слову и в присловье,
и Волчье лыко среди прочих лык
прослеживалось всюду в Прикоровье.

В Докладе было воздано Волкам
особо за их миссию святую
спасения лесов от Ледника,
ползущего на всех, напропалую.
«Ледник перед клыками отступил, —
звучало в тексте Зайцам в назиданье. —
Так почему же дружбы нашей пыл
объяло, черт возьми, похолоданье?!...»
И дальше в духе том же. Лишь одну
поправку в «Песенке Волчат примерных»
(для Зайцев вариант) Паисий провернул
(ах, графоман, ах, буквоед неверный!):
мол, не на КОСТОЧКАХ — на КОРТОЧКАХ
сидеть, —
доступнее Зайчат воображенью...
Сход Волчий слушал хмуро (Песня ведь!),
концертное прослушал исполнение...
Скрипя зубами, принял. Но потом
певали вариантик тот плебейский
официально разве: в парке «Общий Дом»,
раз в год — в Артеках молодогвардейских.
А на лужайке алиби имел
лишь тот, кто про и с к о н н о е пропел...

* * *

Мораль? Ее в сей басне отродясь
не видывали, скалясь да косясь.
Но ты, читатель мой, имея уши
(и куцый хвост), совета все же слушай
и выслушай: ты чадо обучи
петь «КОСТОЧКУ», во что бы то ни стало —
к обеду, поутрянке ли, в ночи...

И лучше вместе петь ее пристало:

«Ах-х!

Я сижу на косточках,
не могу накушаться.

Дядя Вова говорит:

«Надо маму слушаться!»

Ох-х!..»

СКАЗКА

Пошел за ягодой,
пришла домой с медведем,
которому-де любо отдалась;
который, мол, не скучен и не съеден
и над собою очень любит власть.
Отец ругнулся,
мать давай креститься,
но мало помогло и то, и то.
Сыграли вечерушку, где напиться
не смог жених лишь в вычурном пальто.
Тут после свадьбы
он ей и открылся:
скрываюсь, мол, под шкурою чужой,
я не медведь, мол, я — большая крыса
с большою канцелярскою душой.
Ворочал пчел, охотился на зверя,
семь лет семейство множилось, и вот
на год восьмой произошла потеря:
в Москве случился вновь переворот.
Над чашей закружили вертолеты,
спустился благороднейший десант —

министров три и три охранных роты:
«Михал Иванович! Вы же — наш гарант!»
Народ, мол, верит в Ваше возвращенье,
его он заслужил, герой-народ;
заслышав ныне Ваше «Обращенье»,
он к урнам избирательным рванет.
Иваныч рявкнул, став на обе задних:
«Свершилась справедливость! Как я рад!
Побриться б только и — прощай досада!
Жена, где бритва деда, в аккурат?»
Побрился — в тот же миг преобразился,
заважничал, команды подает:
«Жена, не зря тебе твой сон приснился.
Скорей детишек собирай!» — орет.
Но тут *они* его остановили:
«Михал Иванович! Ждет семья в Москве.
А эту, извините: или — или...
У Вас не может быть их сразу две:
нас не поймет международный зритель,
ведь Вы теперь — Страны руководитель, —
такой Страны! А эти... пусть живут...
Но только здесь и только под охраной,
на гособеспеченьи, дело знамо,
да не болтают лишнего ничуть!»
Прощанье было слезным: навсегда!
Детишки были заняты жевачкой
и новым телевизором, когда
уплыл десант
с властительной заначкой.
Но к вечеру вскричали: «Папка! Пап!...» —
в телеэкран свои ручки пяля.
Но тут она, мудрейшая из баб,

вложила на уста смиренья палец.
И все забылось. Поросло быльем
в деревне охраняемой, счастливой.
И лишь она, склоняясь над бельем,
подчас экрану улыбнется мило.
Там — он: вещает, представляет, чит,
вдвоем с женой — блаженствия картинка.
Вопят витии: «Ка-а-ак руководит!»
Ему приятно это, но блестит
в его глазах... животная грустинка!
Медведь, увы, останется медведем,
ему уж не подняться, не упасть.
Добро и то: не съеден и не беден.
И лишь одной ей до конца он ведом,
он, над собой который любит власть.

**БАЛЛАДА О НОРД-ОСТ-ЗЮЙД-ВЕСТЕ,
ИЛИ
НАВЕКИ ВМЕСТЕ**

Еще в материнской утробе,
иль даже в отцовских чреслах,
мечтала Оксана Хороба
о мюзикле этом прелестном.
И тож Барабольченко Тая,
в утробе иной, вестимо,
о том же страстно мечтая,
прошла в этот мир не мимо.
Подобно им Бэвзь Микола,
и с ним еще сорок соколов,
полтавских, окольных прикольных,
росли с той же целью высокою.
Ведь это же счастья сколько:
мол, мюзикл — и все приятно,
от янки — схемушки только,
все прочее — общепонятно
(затем, что на общепонятном!).
Но главное то, что в Москве:
ать-два! через раз — ать-две!..
Сюжет, знамо, будет тоже
на что-то родное похожим:
Большая Страна... Любвишша...
Герой по имени Раша
пленил иностранку, парнишша,
и вместе поют: «Ах, параша!..
Расширяйтесь границы окрест —
норд-ост-зюйд! зюйд-норд-ост! ост-норд-вест!
Только будьте всегда на замке,

вы, границы, в своем далеке!..»
Но некий Шамиль Пацаев,
с ним сто бородатых прочих,
рос мезтью обуреваем:
за горы, за черные очи.
А некий Ваня Студёнкин,
и с ним еще сто самых смелых,
оставили рано пеленки,
в спецназе взрослея умело.
Но, всех их в виду имея,
майор Ковалев — не так ли? —
ждал с прищуром чародея,
когда запустят спектакли;
и, как подобает боссу,
тем более в первопрестольной,
велел генералу Носу
он план подготовить изволить.
И в день, когда Тая с Оксаной,
Микола, и сорок, и тыща,
билетами потрясая,
в зал ринулись — краше не сыщешь, —
Студёнкин, завидя Шамиля
с последним пудом взрывчатки,
потупился, как простофиля,
и стал поправлять перчатки.
Что было дальше — известно:
заложники, плач, ультиматум.
Майор Ковалев прелестно
ругался счастливейшим матом.
Все свои роли сыграли
по Ковалеву и Носу,
хоть сами о том не знали

(по принципу: «Нет вопросов!»):
кто — зрителей, кто — актеров,
кто монстров, а кто — героев,
кто — жертв от газа, который
закачан в театр был вскоре.
Все жертвы, знамо, на монстров
возложены официально
да с митингами на погостах
без трезвости изначальной.
Но это — общеизвестно,
а речь о любви, борщеведы:
которая повсеместно
свои стяжает победы.
В больнице одной помирая,
но (познакомившись) выжив,
с Миколой венчается Тая
судьбою, дарованной свыше.
И шепчет жених невесте:
«Навеки, навеки вместе!»
Свидетельницей — Оксана:
«Норд-ост-зюйд-весту» — осанна!»
Вся свадьба — за счет державы,
из Киева — тосты, подарки.
Невесте мигает бравый
министр по гуманитарке.

А ШАМИЛЮ ЛИ ПИЛЮЛИ, МАША?

Палиндромическое

«Паліндром — і ні морд, ні лап!»

Иван Иов.

1

Аттила: «Кому я — Умо-Калит-та?»

Нну, гуни?»

Regina Anna: «А, нигер?»

Арапа пара?»

На в лоб! «Бирону — рун!» — ори, б-болван!»

И: «В-ва! — Разумовские. — Икс — во, Муза, равви!»

Петр: «Э, — вэртеп!»

Те: «Все же свет

не теменью не метен?»

И Шамилю ли Маши

сон и нос,

и массаж ужас-сами?»

2

«Униту» псарь Распутину,

у! читат и читат, и читат, и ... чу!..

И левет, и левет, и левет Тевель, и Тевель, и...

и массаж ужас-сами

нача делати хита «Леда-чан».

Те: «Дубу ли сил убудет?»

То шаманил ли нам Ашот?»

А слепень не пел-с, а?»

Ибо Горби Тибр о Гоби

лепо пел, о, лепо пел!

Слепо пел-с, о, слепо пел-с!..»

И немели пилемени,
и немел племени
ата Генералиссимус — ум и с-сила ренегата.
Те: «Востока делала Леда кот-совет!»

3

Нинель Ленин:
«Пук-пук! Куп-куп! Пук-пук! Куп-куп!
Купили Чили?! Пук!
Или: пукнули — милун купили?
На Святаго Бога — тьяв-с! Ан?!»
Овод, иже рогу горе жидово.
Ужо рожу ужор-с: «РожУ, ужО рожУ!»
Те: «Небес не пел слепень себе, нет?
Се ересиархов ВОХРа и сере, ес?»
«Йо-с!.. Серп и молот — толом и прессой!»

На Шамиля ли, Машан?

4

Орать: «Таро!» -
орать старо.
И Лорелеи еле роли
не дуче чуден.
Ибо Горби Тибр о Гоби
лепо пел,
и «Боингов» огни — Оби!
О, Миссисипи, писиссимо!
О, Миссури ли, руссимо?!
О, миссурили руссимо,
омиссурили, руссимо,
и намиссурили русси мани!

Те: «Джохар! Т-с! Сей, ес? Страх, о, ждет!
И Лжевова, за Вов ежли,
о, как станет — стена!» Т-с, како
и Жорики лики-рожи
(«Или!») в яви див явили.
Те: «Норд-остово, т-с! одро — нет?»

5

Те: «Лоту-то — лет!..»
Се: «Толстого, т-с, лот, ес!»
Но те: «Шамилю ли, Маше тон?»
Но се: «Шамиля ли Маше сон?»
Те же: «Расся, ес-с, а — режет!
Святая, а — тьяв-с!..»
«... Во, зачистка, дак, т-с! — и Чазов!»

6

«Неужто лот — жуен?
А Шамилю ли Маша?
А Шамиля ли Маша?
И Шамиля ли Маши
И шамиляли Маши,
 ес — все?»
А Шамилю ли люли, Маша?
И Шамилю ли пилюли Маши?»

7

Великолепен, а не пел Оки лев,
ни Ваня Навин.
Тираду дарит:
«Я — смерть. Тремся!»

IV. ЗАБУБЕННАЯ НЕДЕЛЯ

За общее культурное пространство
Мы будем до последнего стоять,
Кабы в культурном общем том пространстве
Всем миром говорить : «Едрёна мать!».

ВЕЧЕРНИЕ ТАКОВСКИЕ — ЧАСТУШЕЧКИ ТАМБОВСКИЕ

Не частушки — умиление
(Коль в частушках знаешь толк):
Во полях Нечерноземья
Их поет тамбовский волк.

Уронил тебя в снегу
От избытка семени.
О значке — ни гу-гу
До поры до времени.

Ах ты, милка моя,
Где значка твоя?
Аль ты все о мне мечтала,
Не значивая?

Дроля дролю обстаканил,
С опохмелу улизнул;
Козу чью-то отчеканил,
Судьбу чью-то навернул.

С дролей милка озоруя,
Откусила кончик носа.
Не решить никак без носа
Демо-граф-ии вопроса!

Дроля дролю разлюбил,
С милкой к морю укатил.
А там море...голубое...
Удирал что было сил!

По деревне мы шагаем,
Словно на ходулях-то:
Кого вовсе не замаем,
На кого не дуем-то!

Дроля в Штатах очутился,
Дроля в Штатах раскрутился:
Стал Мистер-Евразия —
Дроля... Стеньки Разина!

До чего ж мы дОжили:
Не то на то полОжили!
Лучше б было не дожить,
Чем не то на то ложить!

УТРЕННИК ЧАСТУШКИ ШКОЛЬНОЙ, ОЧЕНЬ УЧЕНИЧЕСКОЙ

Каб училки не учили,
Мы б их за нос не водили.
А водили б за трусы
В рощи средней полосы.

У меня была училка —
Не видать из-под стола;
Целоваться научила,
Всех учила, как могла.

Ах, училочка моя,
Обучаешь ты меня:
И за партой, и на парте,
На плетне и у плетня!

Всех милее мне училка,
Ах, родного языка:
В слове «водка» две ошибки
С ней мы делаем пока.

Хоть училка молодая,
Я не первый ученик
Среди тех, кто дар Валдая
Носят к сердцу напрямик!

Не училка — трясогузка,
Учит по истории:
Мол-де, предки были русски,
Но на семя скорьи!

У училки есть копилка,
Ах, кака копилочка:
В той копилке — лишь опилки,
Да и то с шерстиночки!

На каникулах училка
Репетиторшей была:
Денег много получила,
Знаний больше отдала!

Ты, училочка моя,
Я тебя потешу:
Принесу на три рубля,
На десятку выпью!

У подружки, у училки,
Оказалось: две копилки!
Много надоть сил иметь,
Кабы обе наполнять.

Есть дразнилка для училки,
Есть и для директора:
Пусть директор не приходит
В школу без эректора!

Коль в тебе взыграли силы,
Ты училку обучи.
Коль училка изменила,
Ты уроки не учи!

Об училке вновь — ни слова!
Грамотёха милая:
То ль «шалАва», то ль «шалОва»...
В общем — шаловливая!

О ВЕЛИЧИИ ДУШИ МИЛКИ-СЛЕДОВАТЕЛЬШИ

Если следователь — баба,
Грех большой не щегольнуть:
Не спеши ей тыкать «краба», —
Можно на погон вздохнуть.

Ах ты, следовательша,
Где твои глазеночки?
Ты расследуй не спеша
Всю душу мальчоночки!

Как у следовательши
На зарплату — всё шиши.
Пристает не зря: «Как чистил
И где прятал, — опиши!»

Что ж ты, следовательша,
Потупила взгляд-то?
У меня не пол-шиша,
У тебя не зад-то!

Мы со следовательшей,
Выкушав домашних щей,
Следственным экспериментом
Занялись, — в виду имей!

Следственным экспериментом
Занимались мы везде:
И в ментовке, и в бытовке,
В шалаше и в борозде!

Следственный эксперимент
Рассекретил старший мент.
Отстранили от работы
Следовательшу в момент.

Отстраненная от следствий,
Пишет следовательша:
Ожидаю, мол, наследства
Из-за следствий, мил-душа.

К чему этот сердца зов:
Ты — вольна, а я — в СИЗО.
Следствие продолжит ухарь —
Сизый нос да вострый зуб.

Тебе дали три условно,
Мине восемь прописью!
Что ж, поженимся невольно,
Если ждать торопишься.

О СТОЛИЦЕ ДОР-Р-РОГОЙ, ГДЕ СИДИШЬ КТО, ТАМ И ПОЙ!

Ах, столица, ты — столица:
То бишь многоликая,
Всех ты краше, ламца-дрица,
Матерясь да тикая!

Ах, столица, — Божий дар,
Ты — один сплошной базар:
Тот — идею, тот — страну,
Тот — торгует Сатану.

Ты, столица, — моя мать.

Как тебя мне величать?

За характер, блин, за лоск

Величаю: Санкт-Лужковск!

Ты сумела, мир-столица,
С «сестрами» не поделиться:
Провернув из тех деньжат
Капиталла город-сад!

Пусть «Потемкинской деревней»

Норовят назвать тебя,

Москвофобствуя издревле,

Во безденежки скорбя!

Ты, столица, мира пост,
Ты — один сплошной норд-ост,
Обалмошенным окрест
Ты — единственный зюйд-вест!

Ах, нахаловка родная,

Ты блатная д' удалая!

Ни умом тебя понять,

Да ни в сказке описать!

РАШЕН БОРЩ, ЮКРЕЙНЕН ВОДКА...
(Политической частушки вечер предварительный)

От Курил и до Карпат
Нас обидеть норовят:
Обижают, обижают, —
Стонут, плачут и вопят!

От Курил и до Карпат
Наш благоухает мат.
Только западнее Чопа
«Зачопиться» норовят.

Норови не норови —
Мат ужо в твоей крови.
Резиденты побывали —
Твою мать повидали!

Букву «П» нельзя терять,
Лучше ее прибавлять:
Резидент стал п-резидентом, —
Ах, честная твоя мать!

От Карпат и до Курил
Поголял да покутил.
Матерился, матерился,
Мат мне не повредил!

Был у нас без Бога Гимн —
Вновь вписали Боженьку:
Кабы покрывать-то им
Те ж дела безбожные!

Гимнописец, гимнописец,
Вновь меняешь ты слова.
Поменял бы самописку,
Память о тебе жива!

У двуглавого орла —
Двуствольная поп-па:
В одном глазу — Азия,
А в другом — Европ-па!

Был парторгом поп Федот,
Был и председателем,
Нынче высветился вот:
Стал предпринимателем!

Бизнес в церкви процветат,
Процветает бизнес-то:
Каб родней стал брату брат
Во былой Отчизне-то!

Если кто кого-то где-то
Вдруг посмеет обижать,
Оградит кого-то где-то
Неизменно наш солдат!

Хоть свобода наступила,
Мы не будем отступать:
Будем новыми словами
Правду старую вещать!

Санкт-бандитский показали
В Киеве Санкт-Петербург:
От российских капиталов
Кабы там исчез испуг!

Санкт-бандитское пространство —
Зонушка культурная!
Интересов постоянство,
Благодарность бурная!

На уши лапшицы жаждет
Утром, днем и вечером
Самый мирный, самый каждый
Б о р щ е е д д о в е р ч и в ы й!

Создала с трудом природа
На волне вещательной
Человеческого рода
Вид сей замечательный!

Киев, ах! В «Динамо»-клубе
Выступают звезды-в-кубе:
Та — звезда, и тот — звезда...
Московского поезда!

Только западнее Чопа
Не услышать этих звезд:
Неужели там ... Европа
Начинается всерьез?

Ах, граница, ламца-дрица,
Нараспашку — как душа!
Ах, Украина! Ты, сестрица,
Для афганцев хороша!

Ваня с Васей взяли доллар
С каждого Наджибуллы:
«Йванко пусть их в Чопе ловит:
Здоровэсэнъки буль!».

Возле Чопа ты, граница, —
Щелочка замочная!
Ты и западная, ви'цца,
Ты же — и восточная!

Флаги все к нам в гости — вот как!
Ай да флаги — чистый шелк:
«Рашен борщ, юкрейнен водка, —
Это будет карашё!»

Ах, Нахаловка родная,
Ты блатная да удалая:
Ни умом тебя понять,
Ах-х, ни в сказке описать!

**ПРО МАТРЕХУ НЕВПОПАД,
К СЛОВУ — ПРО ЗАГРАДОТРЯД**

Кто сказал, что Конь Троянский
Первою матрешкой был?
Что-то знал ли тот, сказавший,
Что-то где то ль проследил?

Ах, Матреха, ты, Матреха, —
В глубине да глубина!
Во тебе ли, во Матрехе,
Мир не смыслит ни хрена?

Впереди — штрафные роты.
Позади — не девушки.
«Впереди» плюс «позади» — вот
Формула победушки!

Впереди — штрафные роты,
Позади — заградотряд...
Промеж нас — какие счета?
Разливай победы яд!

Мол, единой дружбы ради
Победили ту чуму:
Вспоминать заградотряды —
И сегодня ни к чему!

Ни к чему и штрафников —
Бело-рубашечников,
Особливо — в вышиванках, —
Скажем без обиняков!

**ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТУШКИ
ВЕЧЕР ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ,
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРИПЕВКИ —
САМЫЙ УБЛАЖИТЕЛЬНЫЙ**

Пролетарии всех стран
От нас разбежались, —
Значит, братство трех славян
Нам с тобой осталось!

Ух, ты, ах, ты, —

С бухты-барахты!

Чукча ты? Я — московит?

Ты — зырянин? Он — «джигит»?

Вместе мы — народ славянский:

Хоть Зюганов подтвердит!

Что — Зюганов? Даже Брагин

Подтвердить все норовит!

Подтвердить хоть кто готов,

Кабы лишь вернуть хохлов:

От Курил и до Урала

Все славяне — нету слов!

Так давайте ж обниматься,

Как с Ткаченкой Селезнев!

Запускай идею смело,

Невзирая на изъян:

За Уралом, — знамо дело, —

Первородина славян!

Кто не знает — глупый он,

Кто не верит — тот шпион!

В день «люб'лея» Циркуляра

Министра Валуева

Нам Ткаченку и избрала

Украина... жуева.

Интеллектуала
Долго избирала.
Пыхтит! Кряхтит! Рычит: «Делов!»
Александр Законодатель
Лепит фразу
Из трех слов.
Сердца именины —
«Шкипер» Украины!
От Ивана до Петра,
От Петра до Леонида, —
Вечный суп из топора
Мы варили всё для вида.
Наш топор, а чья крупа,
То известно без попа!
От Мишатки до Бориски,
От Бориски к Генушкам, —
Тот же суп для той же миски
Варим без изменушки.
Только (ради «Жориков»)
Пишем на топорике.
Что мы только не писали
На топорике ко дню:
«Третий Рим», «Социдеалы»,
«Perestrojka», «Интер-Ню»...
В одночасье: нам был суп,
А врагам — сплошной отлуп!
Написали: «Рынок Рынков» —
Мясо дал капиталист.
Оказалось: шит он лыком,
Но при этом — скандалист.
Вопрошает, дурачок:
«Ваш без-дон-ный ко-те-лок?»

Чу! Пора, пора, пора
Суп варить из топора
Под названием «Славянский» —
Раз на то пошла игра.
Пишем: «СЛАВЯНСТВО» —
Котелку пространство!
Был в 20-х Волобуев
(«-уев», но — экономист!),
Доказал, гад, не балуя,
Четко «очевидний зміст»:
Что не «связи», а — привязки
Из Москвы всегда вились.
Нам, во что бы то ни стало,
«Волобуя» этого
Надо прятать, прятать, прятать...
Даже от отпетого;
Даже от Ткаченки, и от Симоненки,
Да и от Витренки, Марченки-«хитренки»!
Лишь в вопросе языковом
Все откроем ларчики:
Симоненке и Ткаченке,
И Витренке, Марченке.
Пусть кичатся, грамотёхи,
«Твердым знаком» хвачены!
Если было сто Указов,
Кабы «мову» извести,
Значит, ноне надоть разом
«Двуязычие» ввести.
Только не в Тамбове —
В Киеве да Львове!
И не в Таганроге —
В Луцке, Кривом Роге!

Ай-ду-да-да, дад-ду-да,
Продолжаем, господа!
Продолжение подсказала
В огороде лебеда:

Коль, бывало, в 33-м
На границе с РэФэСеР
Контингент военный встетит
Голодающих — поверь:
 Была это — да, да, да! —
 Очень общая беда!
Ежли в 91-м
Была общая казна,
Но «сестренкам» — ах, неверным! —
Не досталось ни рожна, —
 Значит, надоть с ними впредь
 Больше общего иметь!
Ах, Украйнушка-сестренка,
Дай трубу, поправь права!
Ух, Украйнушка-бурёнка,
Доим всё, а ты — жива!
 Что мололось — смеется:
 Кабы нам емелиться!

**ИМИДЖМЕЙКЕРОВ МОСКОВСКИХ, И КАЗАНСКИХ,
И ТАМБОВСКИХ
УКРАИНЕЦ-ДУШКА СЛУШАЕТ, КАК ХРЮШКА**

Как в культурном во пространстве —
Общем да воочию! —
Общие играют страсти
И сигналы общие!

«Слушай, местненький, ага:
Ты — в козырной масти!
Твой барыш — моя таньга:
Я — имиджа мастер!»

«Коль поставлю я клеймо, —
Избиратель истов:
Я и «ястреба» сбывал,
И «сына юриста».

«Избиратель дорогой,
Украинец-душка,
Видишь: сила под ногой,
Вместо щек — пампушка!».

Это — рыльце не в пуху!
Вовсе и не рыло!
Это он — как на духу:
«Всех судей — на мыло!».

ТЕЛЕМОСТИК, ТЕЛЕМОСТ, ТАЩИМ ВЫБОРЫ ЗА ХВОСТ

Телемостик. Телемост
Меж Москвой да Киевом:
Всесоюзный еще ГОСТ,
Да с ФСБ-подливою!

Телемост телемостЯт
Студия на студию:
Кого топят, как котят,
Кому — к груди грудюю.

Властелина властелин,
Самого вассального,
На сухое тащит. Блин,
Словно бы сусального!

Чудище обло, с хвостом
(ради ли Радищева?)
Бродит под телемостом
(цвета ль не коричнева?).

Началось. Сбывается:
Малороссы каются,
От Москвы не замыкаться
Клятву дать стараются.

Сын юриста прямо в лоб
Ихнему, с акцентиком:
«Русофоб ты, русофоб,
Шпонтик ты со шпентиком!»

Шпонтик тут же, на глазах,
Шлет привет «кондрашечке»:
Извините, ох да ах, —
И рученкой к чашечке.

Вольфович не отстаёт:
«Бросьте русофобию,
Ты и этот твой... Ну, тот...
Лидер по подобию!»

Что тут началось — дурдом! —
В киевской-то студии:
К микрофону рот за ртом
Льнут. Словно простудные!

«На москвичке я женат!»
«Я — на сибиряночке!»
«Мой лежит в Афгане брат!..»
«Дед мой — на тальяночке!..»

Словом, алиби свое
Каждый расковыривал.
Что ж, кому — тележнивье,
Кому — микровыборы.

ВАЛУЕВСКИЕ РОБЯТЫ, КОВАЛЕВСКИЕ ВСЕ ХВАТЫ

Валуевские робяты — ох! —
Мы, как прежде хороши:
Этноцида дело свято — ох! —
Продолжаем от души!

Год Чечни совпал в России — ох! —
С годом Украинушки:
Ротозеи да ротозии — ох! —
Подставляли спинушки.

Оседлав да восседая — ох! —
Майор зело Ковалев
От Эбруча и до Валдая — ох! —
Не жалел высоких слов.

Экспорт труб зело урезав,
Возжелал иметь Трубу;
Мову к ней в придачу хезав, — ох! —
Мову, — молвил, — загребу.

На Печерске да по привычке — ох! —
Садит майор Ковалев
Холуев косноязычных — ох! —
Да самых зычных холуев!

Холуи — большая сила,
Ох! — да у державного «керма»:
Лезут хоть куды без мыла — Ох! —
Открывают закрома.

Холуи лобзают гордо,
Ох, патологически,
Даже в попке Держиморды — ох! —
Блея исторически.

Политический ханыга, — ох! —
Мелкий-то печерский бес,
Блеет, словно поп-расстрига,
Ох, сам себе большой балбес.

От норд-оста до зюйд-веста — ох! —
Службы сов. секретныя
Лепят из того же теста — ох! —
Пироги заветныя!

Грёбанный во все отверстия — ох! —
На Печерске мелкий бес
Управителем Поместья — ох! —
Мнит себя, в наградах весь.

Интерес имеем узкий — ох! —
Ох, да расширительный;
Интерес как будто русский — ох! —
Хоть невразумительный.

Ибо леший его знает,
Это ль русский интерес:
Коль Украина иссякает,
Ох, под Кремлевский павши пресс?

Под Кремлевский да под сибирский — ох! —
Пресс Антибиотиков:

Самый прочный да самый склизкий — ох! —
И родной до чертиков.

Из-под пресса да интереса — ох! —
Ох, как будто русского, —
Нам куды бежать, балбесам, — ох! —
Ох, в ситуац'и Курбского?

ЛАДУШКИ ДА ЛАДУШКИ: СЧАСТЬЕ ОТ БЕН-ЛАДУШКИ!

**(Заключительный вечер частушки
для служебного пользования)**

Ладушки да ладушки:
Повезло с Бен-ладушкой!
Дядьку Сэма он пугнул —
Тот к Рассее и прильнул!

Ах! Пугливый дядька Сэм
На груди размяк совсем:
На груди медаленной
Ноет, как ужаленный.

Хнычет Сэм: «Рассеюшка!
Расскажи, Имперьюшка:
Как кого мочить в сортире
И как чистить перьюшки!?»

Ах ты, Сэмка-Сёмушка,
Ах ты, дрёма-дрёмушка!
Все проспал ты, все прожрал ты,
Алмазна головушка!

Хнычет Сэмка с топотом:
«Поделись всем опытом:
Где бактерию какую
Вывела и — что потом?»

Ах ты, Сэмка, — простота!
Хочешь все — за просто так?
Прежде, чем узнать шиши,
Ты сперва долги спиши!

Сэмка, ротозеюшка,
Возопил: «Рассеюшка!
Все спишу! Сам задолжаю!
Мир твоим идеюшкам!»

Ну, коли уж, Сэмка, так,
Быть по-твоему, чудак:
Дай еще вот эту «зелень»
И вот этот «Кадиллак»!

ВСТРЕЧНЫЙ КОНЦЕРТ

Раз Табачник — два аккорда,
Два Табачник — фразы две:
Двое самых видных, гордых,
Двое об одной молве.

На Москву два взгляда злачных,
Две судьбы в одном поту.
Раз — Табачник, два — Табачник:
«На Брюссель — через Читут!»

Географии резоны
(мысля политически)
Ниже интересов Зоны
(мысля артистически).

REALITY-СМЕРДЯКОВСКАЯ

Застольная для двух солистов с лобстером

«Про неправду все написано...» (Смердяков о «Вечерах на хуторе...» Гоголя.

Ф.М.Достоевский. «Братья Карамазовы».

«Сегодня зритель смотрит «реалити-шоу». Это игра — не надо к ней относиться, как к жизни. И не надо к ней относиться, как к школе. Ничему телевидение не учит».

Владимир Оселедчик,

ген. директор телеканала «1+1».

Работа для интеллектуалов — в убыток. // День, 2002, 26 сент.

«Люди хотят смотреть «Окна», «Большую стирку», и это я не считаю свидетельством плохого вкуса. В ресторане вы ведь не всегда заказываете лобстера...Российский рекламный рынок в десять раз больше нашего. Сейчас программы снимаются изначально на

русском языке, что выгодно и экономически, и творчески. Российские и украинские телекомпании экономят деньги, ориентируясь на разные рынки».

Александр Ткаченко, ген. директор «Нового канала». Политический бомонд слабо понимает, что такое свободная пресса.// День, 2002, 4 окт.

Как была, все была кара-мазовщина-а,
Смердяковщина-с только осталася:
В смердяковстве допреж' шибко изошрена,
В чиливизоре рас-поясалася;
 В чиливизоре ли да с компютерищем
 Всей смердящей реальной реальности,
 Смердяковствующей да перламутрствующей,
 На сусальности лепящей сальности.
Ни Варшава, ни Пшемьшль, ни Варна, увы,
Не внимают ничуть смердяковщине:
Отмечают её пуще склизкой ботвы,
Попихают её да к Московщине.
 Только в городе Кья да в Юзовке, да
 На просторах, Валуевым меченых,
 Смердяковская светит, все светит звезда
 Для мечтой смердяковской увеченных.
Ибо деньги — не пахнут! А если смердят,
То к большой обоюднейшей выгоде.
И да здравствуют те, что других перебдят,
Смердяковствуя даже во Ироде!
 А коль камешек бросит интеллектуал
 Или нациями озабоченный,
 Мы споем ему хором большой мадригал
 И под лобстера выпьем воочию!

ГИМН ТРИЖДЫ СЛАВЯНСКИЙ

Надоть, надоть нам Конфедерацью
Трех славянских республик спаять!
Только где нам для цели сей, братцы,
Где нам третью славянскую взять?
Выход найден,
Искомый был ране,
Выход найден, и есть он таков:
Россияне — ведь это ж славяне?
Все славяне, во имя хохлов!

Московиты — славяне,
И зыряне — славяне,
И чечен, и чуваш, и чалдон!
Ханты-манси — славяне,
Чукчи, ненцы, — славяне,
И пермяк, и мордвин, —
Испокон!

И, увидев славянского дела
Троекратный сей трижды-успех,
С Божьей помощью ринут к нам смело
Все другие, и примем мы всех.
Первым делом примчат полячишки,
Сербы, чехи, словаки, — мил-свет!
И болгары, любимые слишком,
И хорваты, словенцы, — вослед!

Э-э-х-х-х!
Московиты — славяне!.....

ГИМН ЕВРАЗИЙСКИЙ

Надоть, надоть нам сил Евразийских
Непрестанно сплоченность крепить.
И для цели сей кладов сибирских
Мы готовы почти не щадить.
Вызов брошен — за нами не станет,
Подтверждали мы это не раз:
Если надоть — мы все мусульмане,
Каждый свой совершает намаз.

Московиты намажут,
И зыряне намажут,
И чечен, и чуваш, и чалдон,
Ханты-манси намажут,
Чукчи ненцам подскажут,
И пермяк, и мордвин, —
Испокон!

Эту новость заслышав, проснутся
Все, кто Миссию помнит и чтит,
И на двух континентах найдутся
Силы новые, словно магнит.
Ради Миссии выше различий
Станут все евразийцы Земли,
Чтобы Родины Мира обличье
С Божьей помощью тешить могли!

Эх-х-х!
Московиты намажут.....

32. ВАЛЬС О 32-М МАКАБРЯ

Как тридцать второго числа,
к полднику да поутрянке,
приметка по улице шла
в первойшей трехцветной портянке.

Приметка была в самый раз,
а ей, горемычной, навстречу
хромал-ковылял Несураз,
ворча: «Всё равно не замечу!»

Хоть был Несураз ведуном,
приметка была не ко счастью:
и мир заходил ходуном,
и власть сменилася властью.

Свернулись в очко времена,
разверзлось всюю безвременье,
и странная очень страна,
Странишша, вошла в ускоренье.

И были б Странишше кранты,
и миру — кузькина мать,
и не спасли бы Кресты,
Бутырки, Лубянка-спасатель.

Но тридцать второго числа,
год в год — Нострадамусу «danke!» —
опять приметка прошла,
навстречу ей — Ваня на танке.

ПО ИТОГАМ МЕСЯЧНИКА — ПЯТИМИНУТКА

(Несколько серьезных ответов автора на несколько из числа самых взаимоисключающих вопросов, оставленных приятелями-читателями, оппонентами и издателями «Месячника...» на полях его рукописи)

ВОПРОС. Перед кем бисер-то?.. Одни отбросят эту «книжицу» потому, что она на русском языке, другие — потому, что она украинская по духу...

ОТВЕТ. За «бисер» спасибо. Но не будем обижать потенциального читателя. Возмечтаем: первые прочтут именно потому, что на русском, вторые — как раз потому, что украинская по духу. Вследствие же прискорбной ее, не ко случаю, малотиражности, не хватит ни тем, ни другим.

В. Стоит ли иметь иллюзии относительно полемического заряда «Месячника...»? Украинский поэт обратился к русскому языку, и в этом объективно победа русского языка над ним. Да! Да! Победа русского языка. Ну, Валуевского, если угодно.

О. Не угодно, ибо задачи ставились иные: 1) сыграть на «чужом поле» (семантическом) и не проиграть; 2) тем самым именно в русском языке, средствами стиха сформулировать те исторические счеты Империи, которые, в отличие, скажем, от финнов, поляков, прибалтов, украинское общество, во многих поколениях целенаправленно репрессированное, ассимилируемое и мутировавшее, так и не посмело выставить; 3) показать и доказать мнимо русскоязычным (сущностью «валуевскоязычным») поэтам, в Украине живущим и все тшачимся, по выражению одного из них, «написать стихи об Украине на великом русском языке», что более-менее качественный русский стих приходит здесь только тогда, когда обращен к собственно русской жизни, русской природе: в «эксклюзивной» ли, в неизбывной ли ностальгии, понимаешь; ну вот хотя бы как мое «Переходят рощи корабельные плавно в колыбельные луга» или «Сказка», или «Космос космосу тихо сказал...»

В. Зачем ломиться в открытую дверь с Вашим назойливым, провинциальным высмеиванием Империи, имперского, если сегодня даже в областном Смоленске, заметьте, издательство «Русич» 7-тысячным тиражом печатает перевод такой книжки, как «Россия: народ и империя» Джеффри Хоскинга? Да и в самой Москве «ПБЮЛ Быстров» издал суперкритический том «Кривая империя. История государства российского. Краткий курс» С. Кравченко...

О. Но, уважаемый оппонент, в свою очередь заметьте и Вы: что происходит в тексте Хоскинга со знаменитой цитатой из Георгия Гачева «Русь была жертвой России» (взята эпиграфом ко «Введению»? А ничего не происходит! Карамзинщина в английском смокинге торжествует. То же самое — и у Сергея Кравченко. Так, будто не к Украине (первоначально даже к земле полян!) определение «Русь» относится. Так, словно не к Украине обращались Шашкевич, Вагилевич, Головацкий, организуя (уже в XIX веке!) свою «Руську трійцю», Иван Франко, в стихотворении «Седоголовому» написавший: «Ти любиш, брате, Русь, як хліб, як кусень сала, я ж гавтаю весь час, щоби вона не спала...»!

В. Высмеивая имперское постимперство, стоит ли с такой язвительностью третировать своих, пусть и «мутировавших»? Не лучше ли было бы поэтическим словом бережно врачевать всех этих «схолов», «малороссов», «косноязычных»? Неужели автору мало его горькой и горемычной «Йоцемидаесії», и он никак не может распрощаться с этой не конструктивной традицией национального самоедства?

О. Речь идет о двух сторонах одной медали. И вторая не менее важна для осмысления. Сошлюсь на хрестоматийного Л. Н. Гумилева: «Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных нефиотов действуют подобно вирусным инфекциям, наркотикам, масовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим завлекательным и опьяняющим идеям» («География этноса в исторический период». Л. «Наука», 1990, с. 125).

Гумилеву вторит, конкретизируя, ведущий киевский соционик О. Б. Слинько: «Как случилось, что процветающая русская (т.е. украинская) цивилизация в пору киевских князей на долгие века сменилась настойчивым выхолащиванием духа первичной диады (Психолог — Оператор — М. С.) украинской земли? Нашествие жестоких и воинственных азиатов (культура Легионер) подавило Русь. На северо-востоке где, по-видимому, образовалось Мечтательское территориальное пятно расселения славян, татаро-монгольское Легионерство нашло благодатную дуальную почву, и появилась Московия (Легионер — Мечтатель) — устойчивый славяно-тюркский конгломерат, в дальнейшем «позаимствовавший» и самое название Русь...». И далее: «Выжил в Украине Блюститель — тип, совпадающий с представлением россиян о «хохле», но россиянам же оказавшийся не по зубам (Блюститель — ревизор Легионера и заказчик Мечтателя). Однако, «хохлацкое» население, эта нация-выродок, не имеет ничего общего с украинским этносом. Нация украинцев уже почти умерла. Жива же она постольку, поскольку жив в ней дух диады Оператор — Психолог». (О. Б. Слинько. «Люди в вашем деле. Энциклопедия соционического менеджмента». К., 1996, с. 89, 90). Можно, видимо, упрекнуть автора в чрезмерном пессимизме, но... почему в таком случае акад В. И. Вернадский писал статью под заглавием «Сохранить украинцев» (рукопись, найденная В. С. Брюховецким)?

Усугубляющий трагизм украинского варианта восприятия «чужих завлекательных и опьяняющих идей» последних 350 лет в том, что сами идеи эти зачастую шли уже как вторичные: в московской транскрипции марксизм; террором насаждаемый колхоз-община; новодетформированный византизм; ныне вот либеральные иллюзии и соответствующая практика. Так что «врачевать» в сем случае — впрочем, как «инфицированного», так и «инфицирующего», — можно только словом беспощадной правды да взыванием к христианской милости. И чем больше, тем лучше, и давно бы пора!

В. Империя, имперское, Валуевское Культурное Пространство, мутанты... Не кажется ли автору, что он таким образом воюет с мельницами? Разве в империи было только плохое? И уж тем более в культуре, пусть исторически и имперской, создаваемой, в том числе, и украинцами, разве нет ценностей непреходящих? Нам бы сейчас хоть малую толику культуры XIX века!..

О. Может быть, может быть... Хотя культура «дворянских гнезд», происхождением германская, английская, французкая, а отчасти и «малороссийская», — одно дело, а «песни пьяных мужиков», «Русь немытая» да «Москва кабацкая» — кажется, несколько иное. Что, в конечном счете, по С. Франку, и провоцировало революции. Владимира же Ильича подвигло разработать сначала беспримерную «теорию двух культур в каждой национальной культуре», а потом и вдохновить беспримернейшую практику «культурной революции». Какая культура под псевдонимом пролетарской при этом победила — вопрос риторический. Культура Большого да Малого театров, Шостакович и еще кое-что из этого ряда осталось в роли Потемкинских деревень да фиговых листков на теле больного общества. Простой люд зажил маскультом, сперва советским, затем эклектическим, наспех американизируемым (слащавые сказки плюс вульгарные reality, нескончаемые «Менть»), надрывной песенной блатнягой да согревающими зябнущую душу дедовскими припевами о том, как «зять тещу заманил в

рошу: трещит роша, верещит теща!». И от имени этой-то столь изувеченной культуры А. И. Солженицын ныне агрессивно программирует: «Надо широкодушно предложить Украине интенсивный «культурный обмен». Националисты (и где их тут Александр Исаевич разглядел? — М. С.) отшатнутся? Тем и покажут, что русский язык и русская культура их Державе опаснее всяких ракет» (А. Солженицын. Славянская трагедия. — Киевские Ведомости, 1998, 11 дек., с. 6). Братское-славянское, понимаете ли, культуртрегерство.

В. Но не много ли чести приснопамятному царскому министру внутренних дел П. Валуеву? Страшнее кошки зверя нет, что ли?

О. Валуевское Культурное Пространство — вещь объективно существующая. Как Чернобылская Зона. Конечно, само имя полицей-министра — всего лишь символ. Документов, распоряжений, ставящих целью преследование, ущемление украинской культуры, ассимиляцию и, в конечном счете, этноцид ее носителей, было много как до Валуева, так и после него. И все-таки «Валуевский Циркуляр» — документ в этом роде классический. Больше десятка некорректных с юридической точки зрения аргументаций вместили 4 абзаца полного его текста. На первом месте — банальнейший Аргумент Против Человека: «В числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии»; это так об интеллигентах, на последние свои гроши печатающих малотиражные украинские книги, сказано. Дальше — больше: подмена понятий, намеренная путаница в причинах и следствиях, демагогическая ссылка то на сменяющуюся политическую конъюнктуру, то на неквалифицированное общественное большинство, — самому Геббельсу поучиться бы! Видимо, не зря новейшие неовалуевцы типа Леонида Соколова специальные сайты отводят попыткам защитить своего «классика».

В. Спасибо за такой во многом точный диагноз современному российскому, вообще постсоветскому, маскульту, как «смердяковщина». Но зачем пародировать, пусть и не самые удачные, вещи Пушкина, вырывать из контекста обстоятельные мысли Достоевского?

О. Встречное спасибо винницкой организации «Русского Блока» за пикетирование гастролей Б. Моисеева в Виннице. Но «смердяковщина», считаю, сегодня не только в моисеевщине. Ею пронизаны, пропитаны иные экранизации, инсценизации, мюзиклизации (!) самых вершинных текстов классики. А уж как живописно проступает «смердяковское» на ликах и личиках, в поведении (включая сценическое) многих представителей политикума (украинского в особенности)!.. Не знаю, что с этим поделать. Ибо, кажется, даже знаменитое гоголевское «Смеха боится тот, кто уже ничего не боится» сегодня поставлено под сомнение.

Что же касается Пушкина, Тютчева, Достоевского и др., то в «Месячнике ..» пародируются отдельные идеологемы, ими озвученные. Прежде всего экспансионистские, этноцидные в сущности идеологемы.

В. И все-таки о Достоевском. Его концепция «всемирной отзывчивости» и «богоносности» ведь предполагала самые высокие нравственные требования к русскому человеку. И не он ли первым забил тревогу не только по поводу «смердяковщины», но и «верховенщины»?

О. Так ведь и я о том же! Ибо куда девается эта самая требовательность у некоторых представителей столь величаемой ими культуры, когда они пускаются всерьез размышлять о «высшей целесообразности», например, тысячных жертв «во имя»? Человек, готовый принять и оправдать, например, взрывы домов с мирно спящими в них согражданами, пусть не мусолит имя гения, герой которого, помним, даже слезинку ребенка отказывался пролить в фундамент счастья человечества! В отношении же геноцида и этноцида украинцев... До сих пор, кажись, один только покойный поэт Борис Чичибабин печатно посетовал: дескать, душа болит, что десятилетиями в Украине русский язык выступал и как язык репрессий — распо-

ржений, приговоров, приказов, расстрельных команд... Да и то сделал это Борис Алексеевич мимоходом, в интервью газете «Голос Украины» почти в канун августовского путча 1991 г.

В. Автор, Вы всерьез считаете, что вульгарный и беззастенчивый экспансионизм всех этих новых Чичиковых, Смердяковых вкупе с новейшими Антибиотиками, можно остановить наемком на судьбу кн. Курбского? Окститесь! Не XVI ведь столетие на дворе!

О. Просто к рассудку сегодня привычнее апеллировать, чем к христианской совести, чувству исторической справедливости, увы. Но ведь и рассудок способен подсказать, что идентичность (национально-культурная!) страны, в которой живешь ли, которую ли в качестве доброго соседа видеть желаешь, остается и в условиях глобализма ценностью первостепенной. Системообразующей и ценностнонесущей: потому-то и отказывались «русскоязычные» семьи выезжать из Эстонии, предпочитая выучить эстонский 20 тысячам долларов («отступного»)! Так что и для патриота России жить в Украине, лишенной идентичности, — значит, жить в стране неполноценной, увечной, нестабильной. Чем скорее это поймут... а хотя бы и активисты «Русского Блока», тем лучше для всех нас. Для самих россиян даже лучше: если последуют они вдруг примеру шведов после 1709 г. и займутся, наконец, собственным обустройством. Представляете себе? Вот и я представляю. Для начала — такая картинка: выходят в той же Виннице те же, уже пикетировавшие гастроль Б. Моисеева, активисты «Русского Блока», скажем... с лозунгами ЗА СПАСЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УКРАИНЕ И РЕАЛЬНО РАВНОПРАВНО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ЕЕ С РОССИЕЙ!.. Что, скажете, фантазия разыгралась? Нет, я сознаю, что этноцидом промышленяет всякая империя, но не хочу понимать политиканов и доброхотов по обе стороны хутора Михайловского, оставляющих и сегодня за Россией этноцид «братьев младших» в качестве некоей вечной «исторической профессии».

В. Ваши частушки — это что: пародирование языка? национального характера? основ народной русской культуры?

О. По-моему, очень даже амбивалентные тексты. Разве что с толикой шаржирования навязчивого «русопатства». Язык же в принципе нельзя спародировать. Разве что речь, определенные стилевые ее потоки (или, по М. Бахтину, речевые жанры). Это, кстати, хорошо бы усвоить и продолжателям дела «Заліззяку на пузяку — геп!».

В. И все таки: каким языком написан «Месячник...» — русским или валуевским?

О. Чистейшей воды валуевский вы каждый день можете услышать из уст представитель днепропетровского и (в особенности!) донецкого кланов. Впрочем, как и клана киевского, Юзефович ему в святцы!

В. Неужели не жаль привносить в русскую литературную практику свой какой-никакой, а все-таки авторский опыт работы со словом?

О. Ничего не поделаешь...

В. Можно ли считать «Месячник...» первой ласточкой «полемической литературы» (художественной) нашего времени, написанной украинским автором на русском языке?

О. Разве что с учетом антиимперской, антиэтноцидной, антиассимиляторской и «атирусопатской» идейной направленности. Ибо антиукраинскими, по старинке этноцидными текстами уже давно сайты забыты. Да и прилавки не забыты, увы.

В. Но все-таки согласитесь: ведь ассимилированные, по-вашему, «мутанты», намного агрессивнее к тому, от чего они отказались, отошли, нежели любые иностранные «агенты»?

О. Да. Если это кого-то успокоит.

Осистой оси не было, не будет	29
Страсти по Кашпировскому	30

**II. НЕДЕЛЯ ВЕЛИЧАЕМОЙ
КУЛЬТУРЫ 31**

Ироическая песнь об известном величии, или Одесситам за гимн сойдет	31
--	----

**АЙ ДА ПУШКИН!..
(СИРЕЧЬ: ПУШКИНИАНА, АЙДА!) 34**

1. Гавриилиада, гавриилиадствуя, нагавриилиадив... 34	
2. На лонах гибель и геройства — вот тема тем и темы свойства	36
3. Любовь к нему не зла	37
4. Мазеповедение	39
5. Море щетинящееся	40
6. Что в имени	42
Та еще география!..	43
Браиловские видения в ночь без Рождества	44
Достоевское	46
Булгаковская пятка	48
О серебряном веке золотое словцо.	51
Вера Киевско-Черниговская, или Ошибка Гоголя	53
Горенко-Горюшко, в миру Ахматова	55

БИБЛЕРИАНА 56

**III. НЕДЕЛЯ ЗАКОЛОЧЕННОЙ ДЕРЕ
ВНИ 63**

Заколоченной деревни эксклюзивная побелка	63
Поутрянке на бывшей загранке	64
Посольская застольная	65
Напевы с подпевалой	66
Ваш выход, выходцы!	67

Басня	68
Басня-2	69
Басня-3	71
Сказка	74
Баллада о норд-ост-зюйд-весте, или Навеки вместе	77
А Шамилю ли пилюли, Маша? (Палиндромическое)	80

IV.3 АБУБЕННАЯ НЕДЕЛЯ 83

Вечерние таковские — частушечки тамбовские	83
Утренник частушки школьной, очень ученической.	86
О величии души милки-следователши	89
О столице дор-р-рогой, где сидишь кто, там и пойд!	91
Рашен борщ, юкрейнен водка... (Политической частушки вечер предварительный)	92
Про Матреху невпопад, к слову — про заградотряд	96
Политической частушки вечер доверительный, политической припевки — самый ублажительный	97
Имиджмейкеров московских, и казанских, и тамбовских украинец-душка слушает, как хрюшка	101
Телемостик, телемост, тащим выборы за хвост	102
Валуевские робяты, ковалевские все хвататы	104
Ладушки да ладушки: счастье от Бен-ладушки!	106
Встречный концерт	108
Reality-смердяковская	108
Гимн трижды славянский	109
Гимн евразийский	111
32. Вальс о 32-м макабря.	112

ПО ИТОГАМ МЕСЯЧНИКА — ПЯТИМИНУТКА 113

Літературно-художнє видання

Стрельбицький Михайло Петрович

МІСЯЧНИК РОСІЇ

Вірші

(Рос. мовою)

Видання здійснене в авторській редакції

Верстка та оригінал-макет — ПП О. Власюк
Свідоцтво Держкомінформу України
серія ДК № 1114 від 12.11.2002.

Підписано до друку 16.10.2003. Формат 29,7 × 42 1/4.
Папір офсетний. Друк різнографічний.
Ум. друк. арк. 6,9. Обл.-вид. арк. 4,78.
Наклад 95 прим. Зам. № 02-10.

ПП О. Власюк
Свідоцтво Держкомінформу України
серія ДК № 1114 від 12.11.2002.
21021, м. Вінниця, а/с 1883.